

БРЕНДОН САНДЕРСОН

Звезды
НОВОЙ
фэнтези

ЛЕГИОН

Брендон Сандерсон

Легион. Стивен Лидс и множество его жизней

Серия «Звезды новой фэнтези»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50179758

Легион. Стивен Лидс и множество его жизней: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2020
ISBN 978-5-389-17807-6

Аннотация

Кто такой Стивен Лидс – совершенно нормальный человек, безумец или непревзойденный гений, способный освоить новый навык за считанные часы? Чтобы справиться с потоком информации, Стивен окружает себя толпой галлюцинаций, и каждый из его воображаемых друзей – эксперт в определенной области, страдающий каким-нибудь психическим расстройством. Невидимые сущности помогают Лидсу расследовать дела, с которыми не справится ни один обычный детектив. Террористы снова угрожают людям? У сотрудницы Нацбезопасности куда-то телепортировалась кошка? Из секретной лаборатории исчезла камера, фотографирующая прошлое? Стивен Лидс решит любую проблему за кругленькую сумму, если выдержит его рассудок, –

ведь сыщик по прозвищу Легион и сам вынужден дорого платить за свои успехи.

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	8
Легион	10
Глава первая	10
Глава вторая	26
Глава третья	30
Глава четвертая	43
Глава пятая	52
Глава шестая	65
Глава седьмая	85
Глава восьмая	103
Легион: На поверхности	110
Часть первая	110
Глава первая	110
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Брендон Сандерсон Легион. Стивен Лидс и множество его жизней

Посвящается Дэниелу Уэллсу и Грегу Криру

Brandon Sanderson

LEGION. THE MANY LIVES OF STEPHEN LEEDS

‘Legion’ Copyright © Dragonsteel LLC 2012

‘Legion: Skin Deep’ Copyright © Dragonsteel LLC 2014

‘Legion: Lies of the Beholder’ Copyright © Dragonsteel LLC

2018

All rights reserved

© Н. Г. Осояну, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

Предисловие

Психология как суперсила – тема, которая в моих произведениях повторяется снова и снова. Я всегда считал, что черты личности, которые делают каждого из нас особенным (то, как мы обрабатываем информацию, как мотивируем себя, защищаем свою психику от плохого, учась ценить хорошее), могут быть либо нашими самыми сильными сторонами, либо самыми существенными ограничителями. Ваше восприятие самих себя и умение использовать то, что имеете, зачастую важнее талантов, навыков или даже сверхъестественных способностей.

Тем не менее ни один из написанных мною циклов не исследовал эту идею более явно, чем истории о Легионе. Я начал первую из трех новелл (все они собраны в этом томе) еще в 2011 году. Посылка была проста: что, если галлюцинации некоего человека смогут приносить ему пользу, а не отвлекать от нормальной жизни, как это происходит обычно? Итогом развития этой идеи стало не исследование реального психологического феномена, а скорее попытка оценить, каким образом различные грани нашей личности влияют на наше взаимодействие с миром.

А еще это оказалось очень весело. Полученный в результате опус является отчасти приключением, отчасти комедией, отчасти фантастикой, изображающей ближайшее буду-

щее. Все эти годы я не мог оставить Стивена Лидса в покое. К моменту написания этого предисловия «Легион» – единственная повесть, основанная на моем собственном сюжете, для которой я написал продолжение. Было что-то опьяняющее в вареве, которое вы испробуете, начав читать эту книгу. Каким-то образом вышло так, что эти истории – не только стремительные и легкомысленные детективы, но еще и исследования моей собственной психики. Я сочинял их, чтобы отвлечься от других проектов, но при этом испытал немало откровений, и в каком-то смысле они самые личные из всех произведений, какие вышли из-под моего пера. (В особенности это касается третьей новеллы.)

Хотя перед вами три отдельные вещи, я писал их таким образом, чтобы создать целостную картину, и третья часть завершает серию полным и безоговорочным образом. И как бы приятно ни было их писать, еще приятнее знать, что они закончены, что повествование получило свой финал и что я могу наконец представить этот том вашему вниманию. Вот она – полная и правдивая история Стивена Лидса.

Брендон Сандерсон

март 2018

Благодарности

Как всегда, огромное спасибо моей замечательной жене Эмили за то, что она терпит профессионального писателя, чья жизнь иной раз становится весьма хаотичной. Хочу поблагодарить Моше Федера, моего редактора в TOR, за поддержку этого проекта с самых ранних дней. Ответственный-и-Непостижимый Питер Альстром, как всегда, отлично справился с ролью моего помощника-редактора, и мой агент Джошуа Билмес также достоин похвалы.

Особая благодарность «Subterranean Press» за то, что предоставили Стивену Лидсу возможность впервые появиться в печатном виде. Билл Шафер, Янни Кузня, Морган Шликер и Гейл Кросс – работать с вами было фантастически приятно.

Вот те, кого я хотел бы поблагодарить в TOR: Деви Пиллаи, Рейчел Басс, Рафал Гибек, Патти Гарсия, Люсиль Реттино и Грег Коллинз. Редактором была Терри Макгэрри, а корректорами – Кирстен Бринк и Джанин Барлоу. Прекрасную обложку создала Миранда Микс.

Спасибо Айзеку Стюарту за дизайн заголовков. Говард Тейлор помог мне однажды за обедом провести мозговой штурм – дай пять, дружище!

Анат Эррел оказала огромную помощь с подробной информацией об Иерусалиме. В компанию бета- и альфа-риде-

ров вошли: Кейлинн Зобелл, Даниэль и Бен Олсен, Карен и Питер Альстром, Дэн Уэллс, Алан Лейтон, Итан Скарстедт, Дарси и Эрик Джеймс Стоун, Алан Лейтон, Эмили Сандерсон, Кэтлин Дорси Сандерсон, Брайан Т. Хилл, Доминик Нолан, Мишель и Джош Уокер, Кальяни Полури, Рахул Пантула, Рави Персауд, Бекка Репперт, Дарси и Брэндон Коул, Гэри Сингер, Тед Герман, Диана Ковел Уитни, Росс Ньюберри, Марк Линдберг, Пейдж Вест, Сумейя Муратаджик-Тадич, Джори Филлипс, Энтони Перо, Тайлер Патрик, Дрю Маккэффри, Трэ Купер, Брайан Магнант, Пейдж Филлипс, Элис Арнесон, Бао Фам, Уильям Хуан, Жаки Хопсон, Евгений Кирилов, Меган Канн и К. Эбигейл Парсонс. Среди гамма-ридеров также были Крис «Канонир» Макграт, Глен Вогелаар, Ричард Файф, Хиллари Аргайл, Никки Рэмзи и Эрик Петри.

Я бы не справился без Адама Хорна, Кары Стюарт, Эмили Грейндж, Кэтлин Дорси Сандерсон и всех остальных из «Dragonsteel Entertainment».

Еще раз большое спасибо моей замечательной семье, включая трех моих очень воодушевленных – и очень занятых – маленьких мальчиков.

Легион

Глава первая

Меня зовут Стивен Лидс, и я целиком и полностью в своем уме. Однако все мои галлюцинации – полные психи.

Из комнаты Джей Си доносились выстрелы, похожие на хлопки шутих. Ворча себе под нос, я схватил наушники, висевшие за его дверью, – уже приучил себя держать их там – и вошел. Джей Си, тоже в наушниках, держа пистолет обеими руками, целился в фотографию Усамы бен Ладена на стене.

Играл Бетховен. Очень громко.

– У меня тут важный разговор! – закричал я.

Джей Си не услышал. Он разрядил обойму в лицо бен Ладена, пробив при этом множество отверстий в стене. Я не смел приближаться – вдруг случайно застрелит меня, за-

стань я его врасплох.

Поди знай, что случится, если одна из моих галлюцинаций пустит в меня пулю. Как мой разум это воспримет? Несомненно, найдется дюжина психологов, которые захотят написать об этом статью. Я не был склонен давать им такую возможность.

– Джей Си! – крикнул я, когда он остановился, чтобы перезарядить пушку.

Тот взглянул на меня, затем ухмыльнулся и снял наушники. Джей Си всегда скалится очень грозно, однако я уже давно привык не бояться его.

– Эй, Тощий, – сказал он, протягивая пистолет. – Не хочешь израсходовать парочку обойм? Тебе не помешает попрактиковаться.

Я взял у него оружие.

– Джей Си, мы неспроста обустроили в особняке тир. Используй его по назначению.

– С террористами я обычно встречаюсь не в тире. Ну, за исключением одного раза. Чистое совпадение.

Я вздохнул, взял с тумбочки пульт и выключил музыку. Джей Си протянул руку, поднял ствол повыше и снял мой палец со спускового крючка.

– Безопасность превыше всего, малыш.

– Все равно это воображаемый пистолет, – сказал я, возвращая ему пушку.

– Ну да, еще бы.

Джей Си не верит, что он галлюцинация, и это необычно. Большинство из них в той или иной степени принимают этот факт. Но не Джей Си. Крупный, но не грузный, с квадратным лицом, но не наделенный броской внешностью, этот тип обладал глазами убийцы. Конечно, если верить его собственным заявлениям. Возможно, слово «обладал» означало, что он носит эти самые глаза в кармане.

Джей Си вставил новую обойму в пистолет и устремил взгляд на фотографию бен Ладена.

– Не надо, – предупредил я.

– Но...

– Он все равно мертв. Его давным-давно прикончили.

– Эту историю мы специально рассказали публике, Тоший. – Джей Си сунул пистолет в кобуру. – Я бы объяснил, но у тебя допуска нет.

– Стивен? – послышалось со стороны двери.

Я обернулся. Это был Тобиас, еще одна галлюцинация – или «аспект», как я их иной раз называю. Долговязый, с кожей цвета эбенового дерева, с морщинистыми щеками, покрытыми возрастными пятнами. Он коротко стриг седеющие волосы и носил деловой костюм свободного, неформального покроя без галстука.

– Я лишь хотел узнать, – сказал Тобиас, – как долго ты собираешься заставлять этого беднягу ждать.

– Пока он не уйдет, – сказал я, присоединяясь к Тобиасу в коридоре.

Мы вдвоем пошли прочь от комнаты Джей Си.

– Он был очень вежлив, Стивен.

Позади нас Джей Си снова начал стрелять. Я застонал.

– Я пойду поговорю с Джей Си, – сказал Тобиас успокаивающим голосом. – Он просто пытается сохранить свои навыки. Он хочет быть полезен тебе.

– Ладно, как хочешь.

Я оставил Тобиаса и завернул за угол. В моем роскошном особняке было сорок семь комнат. Почти все они были заполнены. В конце коридора я вошел в одну из них, маленькую, украшенную персидским ковром и деревянными панелями. Бросился на черный кожаный диван, стоявший посередине.

Айви сидела в кресле рядом.

– Ты намерен продолжать в таких условиях?! – спросила она, перекрикивая звуки выстрелов.

– Тобиас собирается поговорить с ним.

– Понятно, – сказала Айви, делая пометку в блокноте.

Этот аспект – женщина чуть за сорок, в темном деловом брючном костюме, с собранными в пучок светлыми волосами – был из тех, с кем мне приходилось иметь дело дольше всего.

– Как ты себя чувствуешь, когда твои проекции перестают тебе подчиняться?

– Большинство все-таки подчиняется, – возразил я. – Джей Си и раньше не обращал внимания на то, что я ему

говоря. Это не изменилось.

– То есть ты отрицаешь, что положение ухудшается?

Я ничего не сказал.

Она сделала пометку и спросила:

– Ты прогнал еще одного просителя, не так ли? Они приходят к тебе за помощью.

– Я занят.

– И чем же? Слушаешь выстрелы? Сходишь с ума пуще прежнего?

– Ничего подобного, – парировал я. – Мое состояние стабилизировалось. Я практически нормальный. Даже мой психиатр – тот, который не галлюцинация, – с этим согласен.

Айви промолчала. Вдалеке наконец-то прекратились выстрелы, и я, вздохнув с облегчением, потер виски кончиками пальцев.

– Формальное определение безумия, – сказал я, – на самом-то деле довольно расплывчато. У двух людей может быть одинаковый недуг с одинаковой степенью тяжести, но одного по официальным стандартам будут считать нормальным, а другого – сумасшедшим. Черту безумия переходишь, когда твое психическое состояние начинает мешать тебе функционировать и вести нормальную жизнь. По этим стандартам я ни капельки не безумен.

– Ты называешь это нормальной жизнью? – поинтересовалась она.

– Вполне.

Я покосился в сторону. Айви, как обычно, прикрыла мусорное ведро для бумаг планшетом со скрепкой.

Через несколько минут вошел Тобиас.

– Этот проситель все еще там, Стивен.

– Что?! – Айви вперила в меня сердитый взгляд. – Ты заставил беднягу ждать? Прошло уже четыре часа.

– Ну ладно, ладно! Отошлю его прочь.

Я вскочил с дивана, вышел из комнаты и спустился по ступенькам на первый этаж, в большой вестибюль у парадной двери особняка.

Уилсон, мой дворецкий, – настоящий человек, а не галлюцинация – стоял подле закрытой двери гостиной. Он посмотрел на меня поверх бифокальных очков.

– И ты туда же? – раздраженно спросил я.

– Четыре часа, хозяин.

– Мне нужно было взять себя в руки, Уилсон.

– Вы часто прибегаете к этому оправданию, мастер Лидс. Только и остается, что задаваться вопросом, какова главная причина – проблемы с самообладанием или лень.

– Я плачу тебе не за то, чтобы ты задавался такими вопросами.

Он поднял бровь, и мне стало стыдно. Уилсон не заслуживал колкостей; он был превосходным слугой и замечательным человеком. Нелегко найти прислугу, готовую мириться с моими... особенностями.

– Извини, – сказал я. – В последнее время чувствую себя

немного измотанным.

– Принесу вам лимонад, мастер Лидс, – сказал он. – Для...

– Троиш, – сказал я, кивая Тобиасу и Айви, которых Уилсон, конечно же, не видел. – Плюс проситель.

– Мне безо льда, пожалуйста, – попросил Тобиас.

– Я бы выпила стакан воды, – добавила Айви.

– Для Тобиаса безо льда, – сказал я, рассеянно открывая дверь. – Воду для Айви.

Уилсон кивнул и пошел выполнять просьбу. Он был действительно хорошим дворецким. Без него я бы сошел с ума.

В гостиной дожидался молодой человек в рубашке поло и брюках. Он вскочил с кресла:

– Господин Легион?

Я поморщился от этого прозвища. Его выбрал один особенно одаренный психолог. Одаренный, если быть точнее, по театральной части. С психологией у него как раз было не очень хорошо.

– Зовите меня Стивен, – сказал я, придерживая дверь для Айви и Тобиаса. – Чем мы можем вам помочь?

– Мы? – переспросил парень.

– Фигура речи.

Я вошел в комнату и сел в одно из кресел напротив него.

– Я... э-э... Я слышал, вы помогаете людям, когда никто другой не в силах этого сделать. – Парень сглотнул. – Я принес две тысячи. Наличными. – Он бросил на стол конверт с моим именем и адресом.

– Этого хватит для консультации, – сказал я, открыв его и быстро пересчитав содержимое.

Тобиас бросил на меня укоризненный взгляд. Он терпеть не может, когда я беру с людей деньги, но невозможно содержать особняк с достаточным количеством комнат, чтобы вместить все свои галлюцинации, работая бесплатно. Кроме того, судя по одежде, парень мог себе такое позволить.

– В чем проблема? – спросил я.

– Моя невеста... – Молодой человек достал что-то из кармана. – Она мне изменяет.

– Мои соболезнования. Но мы не частные детективы. Мы не занимаемся слежкой.

Айви пересекла комнату не садясь. Неторопливо обошла вокруг кресла молодого человека, изучая его.

– Знаю, – быстро сказал парень. – Я просто... Видите ли, она исчезла.

Тобиас оживился. Он любит интересные загадки.

– Он не все нам рассказывает, – проговорила Айви, скрепив руки на груди и постукивая пальцем одной руки по другой.

– Это точно?

– О да, – поспешил заверить парень, думая, что я разговариваю с ним. – Она исчезла, но оставила вот эту записку. – Он развернул листок, который достал из кармана, и положил на стол. – Это очень странно, но мне кажется, что в ней скрыт какой-то шифр. Только взгляните на эти слова. Они не име-

ют смысла.

Я взял листок. Слова были написаны на оборотной стороне небрежным почерком, словно кто-то просто нацарапал несколько заметок. Тот же кусок бумаги позже использовала его невеста для прощального письма. Я показал его Тобиасу.

– Это Платон, – сказал он, указывая на заметки на обороте. – Каждая запись – цитата из «Федра». Ах, Платон! Замечательный был человек, знаешь ли. Мало кто в курсе, что в какой-то момент он угодил в рабство: его продал на рынке тиран, который был не согласен с его убеждениями – а еще с тем, что он сделал брата этого тирана своим учеником. К счастью, Платона купил человек, знакомый с его творчеством, – можно сказать, поклонник, – который его освободил. Неплохо иметь любящих фанатов, даже в Древней Греции...

Тобиас продолжил говорить. У него был глубокий, успокаивающий голос, который мне нравилось слушать. Я изучил записку, затем посмотрел на Айви, которая пожала плечами.

Дверь открылась, и вошел Уилсон с лимонадом и водой для Айви. Я заметил, что Джей Си стоит снаружи с пистолетом наготове, заглядывает в комнату и присматривается к молодому человеку, сузив глаза.

– Уилсон, – сказал я, беря свой лимонад, – будь любезен, пошли за Одри.

– Конечно, хозяин, – ответил дворецкий.

Где-то в глубине души мне было известно, что на самом

деле он ничего не принес для Айви и Тобиаса, хотя и сделал вид, что передает стаканы пустым креслам. Разум дорисовал остальное: вообразил напитки и Айви, которая подошла к Уилсону и выхватила свой стакан из руки дворецкого, когда он попытался поднести его к тому месту, где, как ему казалось, она сидела. Моя галлюцинация нежно улыбнулась ему.

Уилсон ушел.

– Ну? – спросил молодой человек. – Вы можете...

Я вскинул палец, призывая его к молчанию. Уилсон не видел моих проекций, но знал, в какой комнате обитает каждая из них. Оставалось надеяться, что Одри дома. У нее была привычка навещать сестру в Спрингфилде.

К счастью, через несколько минут Одри вошла в комнату, одетая в... купальный халат.

– Полагаю, это важно, – сказала она, вытирая волосы полотенцем.

Я протянул ей записку, а потом – конверт с деньгами. Одри наклонилась. Она была темноволосая, слегка полноватая. Присоединилась к нам несколько лет назад, когда я работал над делом о фальшивомонетничестве.

Минуту или две она что-то бормотала себе под нос, достав лупу (меня позабавило, что она держала такую штуку в кармане банного халата, но это же Одри, что с нее возьмешь) и переводя взгляд с записки на конверт и обратно. Предположительно, что-то из этого было написано невестой, а что-то – молодым человеком.

Одри кивнула:

– Определенно та же рука.

– Образец не очень большой, – предостерег я.

– Что, простите? – удивился парень.

– В нашем случае его достаточно, – сказала Одри. – На конверте твое полное имя и адрес. Направление строки, расстояние между словами, очертания букв – все подсказывает один и тот же ответ. А еще у него очень характерная буква «е». Если взять за основу более длинный образец, то конверт можно определить как совпадающий с ним – по моей оценке – более чем на девяносто процентов.

– Спасибо, – сказал я.

– Мне бы очень пригодилась новая собака, – заметила эксперт, уходя.

– Не стану я воображать тебе щенка, Одри. Джей Си и так производит слишком много шума! Только псины не хватало, чтобы она тут бегала и лаяла.

– Ох, да ладно тебе, – сказала она, поворачиваясь в дверях. – Я буду кормить его выдуманной едой, поить выдуманной водой и водить на выдуманные прогулки. Ну чего еще может пожелать выдуманный щенок?

– Вали отсюда, – сказал я без тени гнева.

Одри меня дразнила. Приятно, что некоторые аспекты не возражали быть галлюцинациями.

Молодой человек глядел на меня с озадаченным видом.

– Можете больше не притворяться, – сообщил я ему.

– Притворяться?

– Изображать, что вас изумляет то, какой я «странный».

Попытка довольно-таки любительская. Полагаю, вы аспирант?

В его глазах отразилась паника.

– В следующий раз попросите соседа по комнате написать записку, – продолжил я, швыряя ему листок. – Черт возьми, у меня нет на это времени. – Я поднялся.

– Мог бы дать ему интервью, – предложил Тобиас.

– После того, как он солгал мне? – огрызнулся я.

– Прошу вас! – взмолился парень, вскакивая. – Моя подруга...

– Раньше ты называл ее невестой, – перебил я, оборачиваясь. – Ты пытаешься вынудить меня взяться за дело, во время которого будешь водить меня за нос, тайком делая заметки о моем состоянии. Твоя истинная цель – написать диссертацию или что-то в этом роде.

У гостя вытянулось лицо. Айви стояла позади него, презрительно качая головой.

– Думаешь, ты первый такое придумал? – спросил я.

Он поморщился:

– Ну вы же не станете винить меня за то, что я попытался.

– Еще как стану, – ответил я. – Такое уже сто раз бывало. Уилсон! Вызывай охрану!

– Не нужно, – сказал парень, хватая свои вещи.

В спешке миниатюрный диктофон выскользнул из карма-

на рубашки и загремел по столу.

Я поднял бровь, а он покраснел, схватил диктофон и пулей выскочил из гостиной.

Тобиас встал и подошел ко мне, сцепив руки за спиной:

– Бедный мальчик. И ему теперь придется, скорее всего, идти домой пешком. Под дождем.

– Идет дождь?

– Стэн говорит – скоро начнется, – сказал Тобиас. – А ты не думал, что люди реже устраивали бы такие представления, если бы ты хоть время от времени соглашался на интервью?

– Я устал быть учебным примером, – ответил я, раздраженно взмахнув рукой. – Устал, что меня вечно разглядывают под микроскопом и тычут инструментами. Устал быть особенным.

– Что? – изумленно переспросила Айви. – Ты предпочел бы работать в офисе, за письменным столом? И отказаться от просторного особняка?

– Я не говорю, что у нашей жизни нет преимуществ, – уступил я, и в это время вошел дворецкий, оглядываясь назад, чтобы посмотреть, как наш гость убегает через парадную дверь. – Уилсон, убедись, пожалуйста, что он действительно нас покинул.

– Конечно, хозяин.

Он протянул мне поднос с почтой и ушел.

Я просмотрел ее. Он уже убрал счета и рекламную макулатуру. Оставалось письмо от моего реального психолога, ко-

торое я проигнорировал, и невзрачный белый конверт большого размера.

Я нахмурился, взял его и вскрыл. Вынул содержимое.

В конверте была только одна вещь. Единственная фотография, пять на восемь дюймов, черно-белая. Я поднял бровь. На снимке были изображены каменистый берег океана и утес, на котором росла пара маленьких деревьев.

– На обороте ничего, – сказал я, когда Тобиас и Айви заглянули мне через плечо. – В конверте больше ничего нет.

– Держу пари, это от кого-то другого, кто пытается раскрутить тебя на интервью, – сказала Айви. – Получается лучше, чем у пацана.

– Ничего особенного, – возразил Джей Си, протискиваясь мимо Айви, которая стукнула его в плечо. – Скалы. Деревья. Скучно.

– Даже не знаю... – проговорил я. – Что-то в этом есть. Тобиас?

Тот взял фотографию. По крайней мере, я это видел. Скорее всего, фотография все еще была у меня в руке, но я не чувствовал ее там, потому что считал, что ее держит Тобиас. До чего же странно, как разум может изменять восприятие действительности.

Он долго изучал снимок. Джей Си начал щелкать предохранителем пистолета.

– Разве не ты всегда долдонишь о безопасности обращения с оружием? – прошипела ему Айви.

– Я соблюдаю безопасность, – парировал он. – Ствол ни на кого не направлен. Кроме того, моя железная воля управляет каждым мускулом. Я мог бы...

– А ну, цыц оба! – перебил Тобиас. Он поднес фото ближе к глазам. – О мой бог...

– Пожалуйста, не произноси имя Господа всуе, – попросила Айви.

Джей Си фыркнул.

– Стивен, – сказал Тобиас, – компьютер.

Я присоединился к нему в гостиной, сел к экрану, и Тобиас склонился надо мной:

– Поищи «Одинокий Кипарис».

Я так и сделал и переключился на поиск по изображениям. На экране появилось несколько десятков изображений того же самого скалистого берега, но на утесе везде росло одно большое дерево. Высокое, с полностью сформировавшейся кроной, – вообще-то, оно выглядело древним.

– Ну, лады, – сказал Джей Си. – Еще деревья. Еще камни. Все равно скучно.

– Это Одинокий Кипарис, Джей Си, – сказал Тобиас. – Он знаменит, и считается, что ему по меньшей мере двести пятьдесят лет.

– И?.. – спросила Айви.

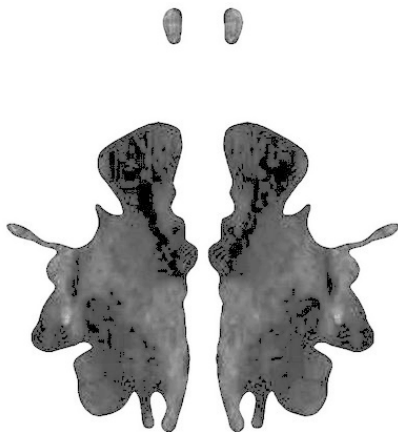
Я поднес к экрану фото, которое достал из конверта.

– Здесь ему не больше... десяти лет?

– Меньше, я бы сказал, – уточнил Тобиас.

– Значит, если это подлинный снимок, – подытожил я, – его должны были сделать во второй половине восемнадцатого века. За десятилетия до изобретения фотографии.

Глава вторая

– Слушайте, это же явная подделка, – сказала Айви. – Не понимаю, почему она привела вас обоих в такое беспокойство.

Мы с Тобиасом шли по коридору особняка. Миновало два дня. Я все еще не мог выбросить эту фотографию из головы. Я носил ее в кармане пиджака.

– Мистификация и впрямь была бы самым рациональным объяснением, Стивен, – согласился Тобиас.

– Армандо считает – она настоящая, – возразил я.

– Армандо – полный псих, – отрезала Айви.

Сегодня на ней был серый деловой костюм.

– Верно, – согласился я и опять сунул руку в карман.

Изменение фотографии не заняло бы много времени. В наши-то дни? Практически любой ребенок с фотошопом может создавать реалистичные подделки.

Армандо прогнал его через несколько продвинутых программ, проверяя уровни и делая кучу других вещей, которые были слишком технически сложными для меня, чтобы понять их суть, но он признал, что это ничего не значит. Талантливый художник мог обмануть любые проверки.

Так почему же эта фотография так меня преследовала?

– Похоже, кто-то пытается что-то доказать, – сказал я. – Есть много деревьев, которые старше Одинокого Кипариса, но лишь немногие из них находятся в таком примечательном месте. Эта фотография должна быть мгновенно распознана как невозможная, по крайней мере для того, кто хорошо знает историю.

– Тогда тем более вероятно, что это мистификация, не так ли? – подхватила Айви.

– Возможно.

Я нервно повернул и зашагал в другую сторону, мои аспекты притихли. Наконец я услышал, как внизу стукнула дверь, и поспешил к лестнице.

– Хозяин? – спросил Уилсон, поднимаясь мне навстречу.

– Уилсон! Почту принесли?

Он остановился на площадке, держа в руках серебряный

поднос. Меган, уборщица, – настоящая, разумеется, – прошмыгнула вверх по лестнице у него за спиной и миновала нас быстрым шагом, не поднимая глаз.

– Скоро уволится, – констатировала Айви. – Ты бы попробовал вести себя не так странно.

– Трудная задача, Айви, – пробормотал я, просматривая почту. – Когда тут повсюду вы, ребята, шастаете. – Вот оно! Еще один конверт, идентичный первому. Я нетерпеливо разорвал его и вытащил еще одну фотографию.

Эта была более расплывчатой. На ней был изображен мужчина с полотенцем на шее, стоящий возле умывальника. Его окружение выглядело старомодным. Снимок опять был черно-белый.

Я повернул фотографию к Тобиасу. Он взял ее, поднес к лицу и прищурился так, что в уголках глаз проступили морщины.

– Ну? – спросила Айви.

– Выглядит знакомым, – сказал я. – Такое ощущение, что я знаю этого мужчину.

– Джордж Вашингтон, – сообщил Тобиас. – Похоже, занимается утренним бритьем. Я удивлен, что у него не было кого-то, кто бы делал это за него.

– Он был солдатом, – сказал я, забирая снимок. – Наверное, привык все делать сам. – Я провел пальцами по глянцевой поверхности. Первый дагеротип – ранняя разновидность фотографии – был сделан в середине тысяча восемьсот трид-

цатых годов. До того никому не удавалось создать стойкие изображения такого рода. Вашингтон умер в тысяча семьсот девяносто девятом году.

– Послушай, это явная подделка, – запротестовала Айви. – Фотография Джорджа Вашингтона? Мы должны предположить, что кто-то отправился в прошлое, и единственное, что пришло ему в голову, – это подстеречь Джорджа в ванной, в неглиже? Да нас разыгрывают, Стив!

– Возможно, – согласился я.

– Очень похож на него, – заметил Тобиас.

– Только вот у нас нет настоящих фотографий Джорджа Вашингтона, – отрезала Айви. – Значит, доказать это невозможно. Послушайте, все, что надо было сделать, – нанять похожего актера, обустроить декорации и та-там! Даже редактировать картинку не надо.

– Давайте посмотрим, что думает Армандо, – сказал я и перевернул снимок. На обратной стороне был написан номер телефона. – Но сперва кто-нибудь, приведите Одри.

Глава третья

– Можете подойти к его величеству, – сказал Армандо.

Он стоял у окна – треугольного, поскольку его комната располагалась в одной из мансард особняка. Сам потребовал это помещение.

– Могу я в него пальнуть? – тихо спросил меня Джей Си. – Ну, в неопасное для жизни место? В ступню, к примеру?

– Его величество слышал это, – проговорил Армандо с мягким испанским акцентом, обратив к нам взгляд, в кото-

ром не было и тени юмора. – Стивен Лидс, ты выполнил свое обещание? Я должен вернуть свой трон.

– Работаю над этим, Армандо, – сказал я, протягивая ему фотографию. – Мы получили еще одну.

Армандо вздохнул, забирая у меня снимок. Этот аспект был худым, с черными волосами, зачесанными назад.

– Армандо благосклонно соглашается рассмотреть вашу просьбу. – Он поднес снимок к лицу.

– Знаешь, Стив, – сказала Айви, заглядывая в комнату, – если ты собираешься создавать еще галлюцинации, тебе стоит подумать о том, чтобы сделать их менее раздражающими.

– Молчи, женщина, – сказал Армандо. – Ты обдумала просьбу его величества?

– Я не собираюсь выходить за тебя замуж, Армандо.

– Ты станешь королевой!

– У тебя нет трона. И насколько я знаю, в Мексике есть президент, а не император.

– Наркобароны угрожают моему народу, – сказал Армандо, разглядывая фотографию. – Мексиканцы голодают и вынуждены подчиняться капризам иностранных держав. Это позор. Фотография подлинная. – Он вернул мне снимок.

– И это все? – удивился я. – Проверять ее на компьютере не будешь?

– Разве я не эксперт в фотографии? – ответил Армандо. – Разве не ты ко мне пришел со своей жалобной мольбой? Я сказал свое слово. Она подлинная. Никакого обмана. Фото-

граф, однако, фигляр. Он ничего не смыслит в сути ремесла. Эти снимки оскорбляют меня своей беспардонной прозаичностью.

Армандо повернулся к нам спиной и снова уставился в окно.

– Можно я теперь в него пальну? – с надеждой спросил Джей Си.

– Так и хочется разрешить, – сказал я, переворачивая снимок.

Одри проверила почерк на оборотной стороне, но не сумела найти сходство с манерой кого-то из профессоров, психологов или других компаний, которые все еще желали меня изучать.

Я пожал плечами и достал телефон. Номер был местный. Раздался всего один гудок, прежде чем кто-то ответил.

– Алло? – сказал я.

– Могу я навестить вас, мистер Лидс? – Женский голос с легким южным акцентом.

– Кто вы?

– Человек, который посылал вам головоломки.

– Ну, это я уже понял.

– Можно мне прийти с визитом?

– Я... ну, наверное. Где вы?

– За вашими воротами.

В трубке щелкнуло. Мгновение спустя кто-то позвонил внизу.

Я посмотрел на остальных. Джей Си подбежал к окну, вытащил пистолет и выглянул на подъездную дорожку. Армандо нахмурился.

Мы с Айви вышли из комнаты Армандо и направились к лестнице.

– Ты вооружен? – спросил Джей Си, догоняя нас.

– Нормальные люди не ходят по собственному дому, нацепив оружие, Джей Си.

– Ходят, если хотят жить. Ступай за пистолетом.

Поколебавшись, я вздохнул.

– Впусти ее, Уилсон! – крикнул я, но сам направился в свою комнату – самую большую в особняке – и взял пистолет из ящика прикроватной тумбочки. Нацепил кобуру, сунул его под мышку и снова надел пиджак. Было и впрямь приятно чувствовать себя вооруженным, но стрелок из меня никудышный.

Когда я спускался по ступенькам к парадному входу, Уилсон уже открыл дверь. На пороге стояла темнокожая женщина лет тридцати с короткими дредами, одетая в черное пальто и деловой костюм. Она сняла солнцезащитные очки и кивнула мне.

– Гостиная, Уилсон, – сказал я, достигнув лестничной площадки.

Он подвел ее туда, и я вошел следом, пропустив Джей Си и Айви. Тобиас уже сидел в гостиной и читал книгу по истории.

– Лимонад? – спросил Уилсон.

– Нет, спасибо, – сказал я и закрыл дверь, оставив его снаружи.

Женщина неторопливо прошла по комнате, разглядывая обстановку.

– Шикарное местечко, – сказала она. – Вы заплатили за все это деньгами людей, которые просят вас о помощи?

– Большая часть поступила от правительства.

– Ходят слухи, что вы на них не работаете.

– Раньше работал. Во всяком случае, многое из этого куплено на гранты. От профессоров, которые хотели исследовать меня. Я начал взимать огромные суммы за эту привилегию, предполагая, что это их отпугнет.

– Но вышло иначе.

– Вечно все идет не по плану. – Я поморщился. – Присаживайтесь.

– Постою. – Она рассматривала моего Ван Гога. – Кстати, меня зовут Моника.

– Моника, – повторил я, доставая оба снимка. – Должен сказать, мне кажется удивительным ваш расчет на то, что я поверю в эту нелепую историю.

– Я вам еще ничего не рассказала.

– Но собираетесь, – уточнил я, бросая фотографии на стол. – Это будет история о путешествии во времени и, очевидно, о фотографе, который не умеет пользоваться вспышкой.

– Вы гений, мистер Лидс, – сказала она, не оборачиваясь. – По некоторым свидетельствам, прочитанным мною, вы самый умный человек на планете. Если бы на этих фотографиях был очевидный изъян – или даже не совсем очевидный, – вы бы их уже выкинули. И точно не стали бы мне звонить.

– Они ошибаются.

– Они?..

– Люди, которые называют меня гением, – сказал я, садясь в кресло рядом с Тобиасом. – Я не гений. На самом деле у меня довольно заурядные способности.

– В это трудно поверить.

– Верьте во что хотите, – сказал я. – Но я не гений. Мои галлюцинации – другое дело.

– Спасибо, – сказал Джей Си.

– Некоторые из моих галлюцинаций, – уточнил я.

– Так вы признаёте, что видите людей, которых нет? – спросила Моника, поворачиваясь ко мне.

– Да.

– Но вы с ними разговариваете.

– Не хотелось бы ранить их чувства. Кроме того, они бывают полезными.

– Спасибо, – сказал Джей Си.

– Кое-кто из них бывает полезным, – уточнил я. – В любом случае вы здесь из-за них. Вам нужны их умы. Теперь расскажите мне свою историю, Моника, или перестаньте тра-

тить мое время.

Она улыбнулась и наконец подошла к креслу, села.

– Это не то, о чем вы думаете. Не машина времени.

– О...

– Похоже, вы не удивлены.

– Путешествие во времени в прошлое – очень, очень неправдоподобная вещь, – сказал я. – Даже если бы оно случилось, я бы ничего не узнал, потому что в результате путешествия возникло бы ответвление реальности, частью которого я не являюсь.

– Разве что это и есть ответвление реальности.

– В таком случае, – не уступил я, – путешествие во времени в прошлое по-прежнему не имело бы для меня никакого функционального значения, поскольку тот, кто отправился назад, создал бы еще одно ответвление и я опять же не был бы его частью.

– Ну что ж, есть такая теория, – сказала Моника. – Но она бессмысленная. Как я уже сказала, машины времени не существует. По крайней мере, в общепринятом смысле.

– Значит, это подделки? Вы как-то быстро начинаете мне надоедать, Моника.

Она положила на стол еще три фотографии.

– Шекспир, – проговорил Тобиас, когда я стал поднимать их одну за другой. – Колосс Родосский. А это... ух ты, интересно.

– Элвис? – спросил я.

– По-видимому, за миг до смерти, – сказал Тобиас, указывая на изображение угасающей поп-иконы: певец сидел в ванной, свесив голову.

Джей Си фыркнул:

– Можно подумать, у него мало двойников.

– Эти снимки сделаны камерой, – проговорила Моника, подавшись вперед, – которая фотографирует прошлое.

Она сделала драматическую паузу. Джей Си зевнул.

– Проблема с каждым из этих снимков, – сказал я, бросая фотографии на стол, – в том, что они принципиально непроверяемы. Это изображения вещей и людей, для которых не существует других визуальных подтверждений, чтобы доказать их, поэтому нельзя доказать подделку, воспользовавшись небольшими неточностями.

– Я видела, как работает устройство, – ответила Моника. – Его испытали в строгих лабораторных условиях. Мы стояли в чистом, специально подготовленном помещении, брали карточки и рисовали что хотели на оборотной стороне, потом демонстрировали друг другу. И сжигали их. Изобретатель устройства вошел и сделал фотографии. Снимки в точности отображали нас – мы стояли, держа в руках карточки, и узоры на них были правильные.

– Замечательно, – сказал я. – Если бы у меня была хоть какая-то причина верить вам на слово...

– Можете проверить устройство, – предложила она. – Использовать его, чтобы решить любую историческую загадку

по вашему желанию.

– Мы могли бы, – сказала Айви, – если бы его не украли.

– Я мог бы это сделать, – повторил я, доверившись словам Айви. По части допросов у нее было хорошее чутье, и она время от времени подсказывала мне реплики. – Только вот устройство украдено, не так ли?

Моника откинулась на спинку кресла и нахмурилась.

– Догадаться нетрудно, Стив, – сказала Айви. – Ее бы здесь не было, если бы все шло как надо, и она принесла бы камеру, чтобы похвастаться, если бы действительно хотела нам что-то доказать. Я могла бы поверить, что она где-то в лаборатории, слишком ценная, чтобы таскать ее с собой. Только в этом случае Моника пригласила бы нас в свое логово, вместо того чтобы прийти самой. – Помолчав, она прибавила: – Эта женщина в отчаянии, несмотря на внешнее спокойствие. Видишь, как она постукивает пальцем по подлокотнику кресла? Кроме того, обрати внимание, как она постаралась стоять на протяжении первой части разговора – нависая, как бы поддерживая свой авторитет. Она села только тогда, когда почувствовала себя неловко, а ты оставался весьма расслабленным.

Тобиас кивнул:

– Никогда не делай стоя то, что можешь делать сидя, и не делай сидя то, что можешь делать лежа. Китайская пословица, обычно приписываемая Конфуцию. Конечно, первичных текстов Конфуция не осталось, поэтому почти все, что мы

ему приписываем, в той или иной степени является догадками. По иронии судьбы единственное, чему он точно учил, так это Золотое Правило, но его цитаты на соответствующую тему часто ошибочно приписывают Иисусу из Назарета, который сформулировал ту же концепцию по-другому...

Я позволил ему говорить, и его спокойный голос волнами накатывал на меня. Смысл слов не имел значения.

– Да, – наконец сказала Моника. – Устройство было украдено. Вот почему я здесь.

– Итак, у нас проблема, – сказал я. – Единственный способ самому доказать подлинность этих снимков – получить устройство. И все же я не могу получить устройство, не выполнив работу, которая вам требуется, – то есть я могу легко дойти до конца и обнаружить, что вы обвели меня вокруг пальца.

Моника бросила на стол еще одну фотографию. Женщина в темных очках и плаще, стоящая на вокзале. Снимок был сделан сбоку, пока она рассматривала монитор наверху.

Сандра.

– Ого, – сказал Джей Си.

– Где вы это взяли? – резко спросил я, вскакивая.

– Я же вам сказала...

– Мы больше не играем в игры! – Я хлопнул ладонями по кофейному столику. – Где она? Что ты о ней знаешь?

Гостья отпрянула, ее глаза расширились. Люди не знают, как вести себя с шизофрениками. Они читали истории, смот-

рели фильмы. Мы вызываем у них страх, хотя статистически не более склонны к совершению насильственных преступлений, чем заурядные люди.

Кое-кто из авторов, писавших обо мне статьи, утверждает, что я не шизофреник. Половина из них убеждена, что я все выдумываю. Другая половина – что мое расстройство доселе неизвестно науке. Чем бы оно ни было – как бы ни работал мой мозг, – только одному человеку удалось понять меня по-настоящему. И этим человеком была женщина с фотографии, которую Моника только что шлепнула на столик.

Сандра. В каком-то смысле она сама положила начало всему этому.

– Получить снимок было нетрудно, – сказала Моника. – Когда вы еще давали интервью, то часто говорили о ней. Явно надеялись, что кто-то их прочтет и сообщит вам какие-нибудь сведения. Может, вы также надеялись, что она сама прочитает слова, которые вы хотели ей сказать, и вернется к вам.

Я вынудил себя снова сесть.

– Вы знали, что она пошла на вокзал, – продолжила Моника. – И в какое время. Вы не знали, на какой поезд она села. Мы фотографировали до тех пор, пока не обнаружили ее.

– На вокзале, должно быть, была дюжина женщин со светлыми волосами и похожей внешностью, – сказал я.

Никто толком не знал, кто она такая. Даже я.

Моника достала пачку фотографий, штук двадцать. На каждой была женщина.

– Мы подумали, что та, кто носит солнцезащитные очки в помещении, кажется наиболее вероятной кандидатурой, но я принесла фотографии каждой женщины подходящего возраста, которые мы сняли на вокзале в тот день. На всякий случай.

Айви положила руку мне на плечо.

– Спокойно, Стивен, – сказал Тобиас. – Сильная рука способна управлять кораблем даже в шторм.

Я вдохнул и выдохнул.

– Могу я пристрелить ее? – спросил Джей Си.

Айви закатила глаза:

– Напомни мне, почему мы держим его при себе.

– Потому что я брутальный красавчик, – заявил Джей Си.

– Послушай, – продолжила Айви, обращаясь ко мне, – Моника испортила собственную историю. Она утверждает, что пришла к тебе только потому, что камера была украдена, – но как она получила фотографии Сандры без камеры?

Я кивнул, с трудом навел порядок в голове и обратился с обвинениями к Монике.

Она лукаво улыбнулась:

– Мы подумывали привлечь вас к другому проекту. И решили, что это может... пригодиться.

– Проклятье! – сказала Айви, стоя прямо перед Моникой, сосредоточившись на ее радужках. – Думаю, на этот раз она говорит правду.

Я уставился на фотографию. Сандра. Прошло уже почти

десять лет. До сих пор больно думать о том, как она ушла от меня. Оставила меня после того, как показала, как обуздать способности моего разума. Я провел пальцами по снимку.

– Возьмемся за это дело, – сказал Джей Си. – Мы должны во всем разобраться, Тоший.

– Если есть хоть шанс... – кивнул Тобиас.

– Камеру, скорее всего, украл кто-то из своих, – предположила Айви. – Так оно обычно случается.

– Кто-то из ваших сотрудников забрал камеру, верно? – спросил я.

– Да, – призналась Моника. – Но мы понятия не имеем, куда этот человек отправился. Мы потратили десятки тысяч долларов за последние четыре дня, пытаясь выследить его. Я сразу предлагала вас. Другие... фракции в нашей компании были против привлечения кого-то, кого они считают нестабильным.

– Я берусь за это дело, – сказал я.

– Отлично. Поедем в нашу лабораторию?

– Нет. Отведите меня в дом похитителя.

Глава четвертая

– Мистер Балубал Разон, – прочитал Тобиас, пока мы поднимались по лестнице; я просмотрел досье подозреваемого по дороге, но был слишком погружен в свои мысли, чтобы уделить ему особое внимание. – По национальности он филиппинец, но американец во втором поколении. Доктор физики из Университета штата Мэн. Наград не имеет. Живет в одиночестве.

Мы поднялись на седьмой этаж многоквартирного дома.

Моника запыхалась. Она все время шла слишком близко к Джей Си, что заставляло его хмуриться.

– Должен добавить, – сказал Тобиас, опуская досье, – Стэн сообщил мне, что туча рассеялась, не добравшись до нас. Погода будет ясная.

– Слава богу, – сказал я, поворачивая к двери, где стояли на страже двое мужчин в черных костюмах. – Ваши? – спросил я Моника, кивая в их сторону.

– Ага, – ответила та.

Всю дорогу в машине она разговаривала по телефону с начальством.

Моника достала ключ от квартиры и вставила его в замок. Внутри царил форменный хаос. На подоконнике в ряд стояли коробки из-под китайской еды, как будто цветочные горшки, в которых хозяин квартиры собирался выращивать урожай «куриц генерала Цзо»¹ на следующий год. Повсюду высились груды книг, а на стенах висели фотографии. Не из тех, что связаны с путешествиями во времени, просто обычные, которые сделал бы заурядный любитель.

Пришлось пробираться через хлам и стопки книг на полу, чтобы войти. Места всем нам хватало с трудом.

– Моника, подождите снаружи, – попросил я. – Здесь тесновато.

¹ «Курица генерала Цзо» – популярное в США блюдо китайской кухни, чье название (по одной из версий) связано с китайским военным и политическим деятелем Цзо Цзунтаном. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Тесновато? – переспросила она, нахмурившись.

– Вы то и дело проходите сквозь Джей Си, – объяснил я. – Это его очень тревожит; он ненавидит, когда ему напоминают, что он галлюцинация.

– Я не галлюцинация, – отрезал Джей Си. – У меня есть самое современное маскирующее оборудование.

Моника внимательно посмотрела на меня, потом подошла к двери и встала между двумя охранниками, уперев руки в бока и не спуская с нас глаз.

– Ну ладно, ребята, – провозгласил я. – За дело.

– Хорошие замки, – сказал Джей Си, щелкая одной из цепочек на двери. – Толстая древесина, три засова. Если я не ошибаюсь... – Он ткнул пальцем в почтовый ящик, висевший на стене у двери.

Я открыл его. Внутри лежал чистенький револьвер.

– «Ругер бизли», переделанный под крупный калибр, – сказал Джей Си, хмыкнув. Я открыл вращающуюся штуковину, в которой содержались патроны, и вытащил один. – «Лайнбо», тип ноль-пятьсот, – продолжил Джей Си. – Это оружие для человека, который знает, что делает.

– Но Разон его оставил, – сказала Айви. – Слишком торопился?

– Нет, – сказал Джей Си. – Это был его дверной пистолет. У него должно быть другое обычное оружие.

– Дверной пистолет, – повторила Айви. – Что еще за жаргон такой?

– Когда кто-то ломится в твою дверь, – начал объяснять Джей Си, – нужно оружие с хорошей пробивной способностью, чтобы стрелять сквозь деревянную преграду. Но отдача у этой штуки такая, что после пары выстрелов руке не позавидуешь. При себе он должен держать что-то меньшего калибра. – Джей Си осмотрел пистолет. – Впрочем, из него никогда не стреляли. Хм... Есть вероятность, что ему кто-то дал это оружие. Может, он пошел к другу и спросил, как защитить себя? Настоящий солдат знает каждое оружие, которым владеет, потому что стрелял из него неоднократно. Ни одна пушка не стреляет совершенно прямо. У каждой есть индивидуальность.

– Он ученый, – сказал Тобиас, опускаясь на колени рядом со стопками книг. – Историк.

– Слышу в твоем голосе удивление, – заметил я. – Он же доктор наук. Значит, умник.

– У него докторская степень по теоретической физике, Стивен, – возразил Тобиас. – А вот это – очень замысловатые исторические и богословские книги. Специфическая тема. Трудно быть сведущим ученым более чем в одной области. Неудивительно, что он ведет уединенную жизнь.

– Четки, – сказала Айви, взяв розарий с одной из книжных стопок и внимательно его рассматривая. – Потертые, ими часто пользовались. Открой одну из этих книг.

Я поднял томик с пола.

– Нет, вон ту. «Бог как иллюзия».

– Ричард Докинз? – проговорил я, листая.

– Ведущий атеист, – сказала Айви, заглядывая мне через плечо. – Смотри-ка, комментарии и контраргументы.

– Набожный католик среди моря светских ученых, – сказал Тобиас. – Да... Многие из этих произведений относятся к религии или как-то с ней связаны. Фома Аквинский, Дэниел У. Харди, Фрэнсис Шеффер, Петр Алагона...

– Вот его бейдж с работы, – сказала Айви, кивком указывая на что-то висящее на стене. Там было написано большими буквами: «Азари лабораториз инкорпорейтед». Компания Моники.

– Позови Монику, – попросила Айви. – И будешь повторять то, что я тебе говорю.

– Э-э... Моника... – сказал я.

– Теперь мне можно войти?

– Зависит от обстоятельств, – ответил я, повторяя слова, которые шептала мне Айви. – Вы собираетесь сказать мне правду?

– О чем?

– О том, что Разон изобрел камеру сам и обратился к «Азари» только после того, как у него появился рабочий прототип.

Моника прищурилась.

– Бейдж слишком новый, – продолжил я. – Совсем не потертый и не поцарапанный от того, что им пользовались или носили его в кармане. Судя по бороде на бейдже, но не на

фотографии, сделанной в Маунт-Верноне, что стоит на каминной полке, ему не больше двух месяцев. Более того, это не квартира высокооплачиваемого инженера. Со сломанным лифтом? В северо-восточной части города? Это не только неблагополучный район, он еще и слишком далеко от вашей конторы. Разон не крал вашу камеру, Моника, – я склонен предположить, что *вы* пытались украсть ее у него. Поэтому он и сбежал?

– Он пришел к нам не с прототипом, – сказала Моника. – По крайней мере, рабочей машины у него точно не было. Он принес снимок – тот, что с Вашингтоном, – и много обещаний. Ему нужны были деньги, чтобы собрать стабильно работающую камеру; та, которую он соорудил, проработала несколько дней, а потом сломалась. Мы финансировали его в течение восемнадцати месяцев, предоставив ограниченный допуск в лаборатории. Разон получил официальный бейдж, когда чертов фотоаппарат наконец-то заработал. И украл его у нас. Подписанный им контракт требовал, чтобы все оборудование осталось в лаборатории. Он использовал нас в качестве удобного источника денег, а затем удрал с призом – стерев все данные и уничтожив все другие прототипы, – как только убедился, что это сойдет ему с рук.

– Это правда? – спросил я у Айви.

– Не понимаю, – призналась она. – Прости. Если бы я смогла услышать ее пульс... может, ты бы приложил ухо к ее груди?

– Да уж, ей это понравится.

Джей Си улыбнулся:

– А я вот не прочь.

– Ой, да ладно тебе! – огрызнулась Айви. – Ты бы это сделал лишь для того, чтобы сунуть нос ей под пальто и узнать, какой у нее пистолет.

– «Беретта М9», – ответил Джей Си. – Я уже посмотрел.

Айви бросила на меня сердитый взгляд.

– Что? – Я напустил на себя невинный вид. – Это все он, я ни при чем.

– Тощий, – встрял Джей Си, – «М9» – штука скучная, но эффективная. Судя по манере держаться, Моника умеет обращаться с оружием. Видел, как она пыхтела, пока мы поднимались по ступенькам? Спектакль. Она в гораздо лучшей форме. Притворяется менеджером или бумагомаракой из лаборатории, но на самом деле явно из охраны или чего-то в этом духе.

– Спасибо, – сказал я ему.

– Вы, – сказала Моника, – очень странный человек.

Я сосредоточился на ней. Конечно, она слышала только мои реплики в разговоре.

– Я думал, вы читали мои интервью.

– Читала. Они не отдают вам должное. Я представляла вас блестящим оборотнем, меняющим индивидуальности одну за другой.

– Это диссоциативное расстройство личности, – сказал

я. – Со мной все иначе.

– Вот молодец! – встряла Айви.

Она читала мне лекции по психическим расстройствам.

– Не важно, – сказала Моника. – Наверное, я просто удивлена, узнав, кто вы на самом деле.

– И кто же?

– Менеджер среднего звена, – сказала она с озабоченным видом. – Так или иначе, вопрос остается открытым. Где Разон?

– Зависит от кое-каких деталей, – ответил я. – Ему нужно находиться в каком-то конкретном месте, чтобы использовать камеру? То есть ему пришлось поехать в Маунт-Вернон, чтобы сфотографировать то, что там когда-то случилось, или он может каким-то образом запрограммировать камеру, чтобы она сделала такой снимок издалека?

– Он должен поехать на место, – сказала Моника. – Камера смотрит сквозь время на события бывшего там, где находится фотограф.

С этим были кое-какие проблемы, но пока я задвинул их в дальний угол. Разон. Куда он пойдет? Я взглянул на Джей Си, который пожал плечами.

– Смотришь на него в первую очередь? – сказала Айви ровным тоном. – Ну-ну.

Я посмотрел на нее, и она покраснела:

– Я... нет, у меня тоже нет версий.

Джей Си усмехнулся.

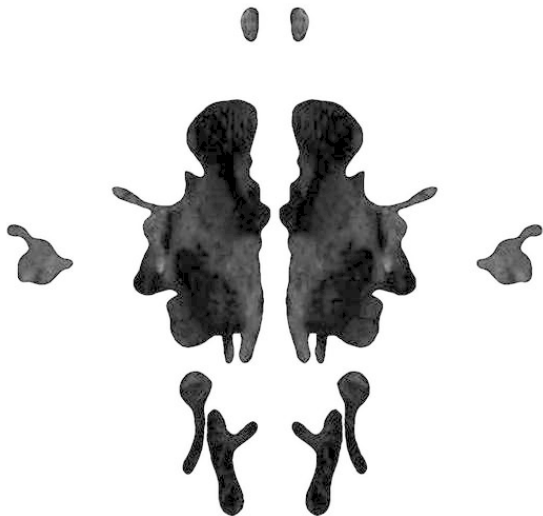
Тобиас встал, медленно и тяжело, как туча, поднимающаяся в небо у горизонта.

– Иерусалим, – тихо сказал он, положив руку на книгу. – Разон уехал в Иерусалим.

Мы все посмотрели на него. Ну, те из нас, кто мог.

– Куда еще может отправиться верующий, Стивен? – спросил Тобиас. – После стольких лет споров с коллегами, после стольких лет, когда его считали дураком из-за веры? Вот что было главной причиной, вот почему он разработал камеру. Он пошел искать ответ на вопрос. Для нас, для себя. Вопрос, который задают уже две тысячи лет. – Помедлив, мой аспект договорил: – Он пошел сфотографировать Иисуса из Назарета, которого приверженцы после Его воскресения стали называть Христом.

Глава пятая

Мне требовалось пять мест в первом классе. Это не понравилось вышестоящим Моники, многие из которых не одобряли меня. Я встретил одного из них в аэропорту, некоего мистера Давенпорта. От него пахло трубочным дымом, и Айви раскритиковала его за дурной выбор обуви. Я передумал спрашивать у него, можем ли мы воспользоваться корпоративным самолетом.

Теперь мы сидели в салоне первого класса. Я лениво ли-

стал толстую книгу на раскладном столике моего кресла. Позади меня Джей Си хвастался Тобиасу оружием, которое ему удалось протащить под носом у охраны.

Айви дремала у окна, возле нее было свободное место. Моника сидела рядом со мной, уставившись на пустое сиденье.

– Значит, Айви у окна?

– Да, – сказал я, переворачивая страницу.

– Тобиас и морпех позади нас.

– Джей Си – «морской котик». Он бы пристрелил вас за эту ошибку.

– А оставшееся место?

– Пустует, – сказал я, переворачивая страницу.

Она ждала объяснений. Я их не предоставил, а вместо этого спросил:

– Так что же вы собираетесь делать с этой камерой? Если предположить, что она действительно существует, в чем я пока не уверен.

– Есть сотни применений, – сказала Моника. – Охрана правопорядка... шпионаж... создание подлинных исторических хроник... наблюдение за ранним формированием планеты в целях научных исследований...

– Уничтожение древних религий...

Она подняла бровь:

– Вы религиозный человек, мистер Лидс?

– Часть меня религиозна.

Это была чистая правда.

– Что ж... – сказала Моника. – Давайте предположим, что христианство – обман. Или, возможно, движение, начатое некими людьми из лучших побуждений, но разросшееся сверх всякой меры. Не лучше ли будет это разоблачить?

– Это не совсем тот спор, в который я готов вступить, – сказал я. – Вам понадобится Тобиас. Он философ. Но мне кажется, он дремлет.

– Вообще-то, Стивен, – сказал Тобиас, наклоняясь между нашими сиденьями, – мне очень любопытен этот разговор. Кстати, Стэн наблюдает за нашим продвижением. Он говорит, что впереди атмосферный фронт, – возможно, нас немного потрясет.

– Вы на что-то смотрите, – заметила Моника.

– Я смотрю на Тобиаса. Он хочет продолжить разговор.

– Я могу с ним поговорить?

– Думаю, можете – через меня. Но должен предупредить. Не обращайтесь внимания на то, что он говорит про Стэна.

– А кто такой Стэн?

– Астронавт, которого слышит Тобиас, – предположительно, он вращается вокруг планеты на спутнике. – Я перевернул страницу. – Стэн в основном безвреден. Он сообщает нам прогнозы погоды и тому подобное.

– Я... понимаю, – проговорила она. – Стэн – еще один из ваших особенных друзей?

Я усмехнулся:

– Нет, Стэн ненастоящий.

– Вы же вроде бы говорили, что они все ненастоящие.

– Ну да, конечно. Они мои галлюцинации. Но Стэн – нечто особенное. Его слышит только Тобиас. Он у нас шизофреник.

Она удивленно моргнула:

– Ваша галлюцинация...

– Что?

– Ваша галлюцинация галлюцинирует.

– Да.

Она откинулась на спинку кресла с обеспокоенным видом.

– У них всех свои проблемы, – сказал я. – Айви страдает трипофобией, хотя большей частью контролирует себя. Просто не подходите к ней с осиным гнездом. У Армандо мания величия. У Адолайн – ОКР².

– Пожалуйста, Стивен, – попросил Тобиас, – скажи ей, что я считаю Разона очень храбрым человеком.

Я так и сделал.

– И почему же? – спросила Моника.

– Быть одновременно человеком науки и религии – значит создать внутри самого себя нелегкое перемирие, – сказал Тобиас. – В основе науки лежит принятие только той ис-

² *Трипофобия* – боязнь повторяющихся отверстий. *ОКР* – обсессивно-компульсивное расстройство, при котором больной пытается избавиться от навязчивых мыслей (обсессий) при помощи столь же навязчивых и утомительных действий (компульсий).

тины, которую можно доказать. В основе веры лежит определение Истины как недоказуемой по сути. Разон храбрый человек из-за того, что он делает. В связи с его открытием одна из двух вещей, которыми он дорожит, рухнет.

– Может, он фанатик, – предположила Моника. – Слепо шагает вперед, пытаясь найти окончательное подтверждение своей правоты.

– Может, – согласился Тобиас. – Но истинные фанатики в подтверждениях не нуждаются. Их дает им Господь. Нет, я в этом вижу кое-что еще. Человека, стремящегося объединить науку и веру, первого – возможно, в истории человечества, – кто действительно нашел способ применить науку к высшим истинам религии. Я нахожу это благородным.

Тобиас откинулся на спинку кресла. Я перевернул последние несколько страниц книги, пока Моника сидела в задумчивости. Закончив, я засунул книгу в карман переднего сиденья.

Кто-то зашуршал занавесками, входя к нам из эконом-класса.

– Здравствуйте! – раздался приветливый женский голос, приближаясь по проходу. – Я не могла не заметить, что у вас тут есть лишнее место, и подумала – может быть, мне позволят присесть.

Вновь прибывшая была круглолицей, миловидной молодой женщиной лет тридцати. У нее была смуглая индийская кожа и темно-красная точка на лбу. Она носила одежды за-

мысловатого фасона, красные с золотым, с индийской штурвиной типа шали, накинутой на плечо и обернутой вокруг тела. Я не знаю, как такое называется.

– Это еще что? – нахмурился Джей Си. – Эй, Ахмед! Ты же не собираешься взорвать самолет, правда?

– Меня зовут Кальяни³, – сказала она. – И я совершенно точно не собираюсь ничего взрывать.

– Хм... – сказал Джей Си. – Какое разочарование.

Он откинулся назад и закрыл глаза – или притворился, что закрыл. Один глаз был чуть приоткрыт и следил за Кальяни.

– Почему мы держим его при себе? – спросила Айви, потягиваясь и просыпаясь.

– Вы все время вертите головой туда-сюда, – сказала Моника. – Кажется, я пропускаю целый разговор.

– Так и есть, – сказал я. – Моника, познакомьтесь с Кальяни. Она новый аспект и причина, по которой нам понадобилось пустое место.

Кальяни радостно, с широкой улыбкой протянула руку Монике.

– Она тебя не видит, Кальяни, – сказал я.

– А, точно! – Кальяни прижала ладони к лицу. – Простите, мистер Стив, я в этом деле новичок.

– Все в порядке. Моника, Кальяни будет нашим переводчиком в Израиле.

³ Кальяни (Kalyani; букв. «благая») – один из эпитетов, которыми в индийской мифологии именуют ряд богинь, включая Лакшми и Парвати.

– Я лингвист, – сообщила Кальяни с поклоном.

– Переводчик... – проговорила Моника, покосившись на книгу, которую я отложил. Иврит – синтаксис, грамматика и лексика. – Вы только что изучили иврит.

– Нет. Я просмотрел достаточно страниц, чтобы вызвать аспект, который на нем говорит. У меня нет никаких способностей к иностранным языкам. – Я зевнул, гадая, осталось ли время в полете, чтобы Кальяни изучила еще и арабский.

– Докажите, – потребовала Моника.

Я приподнял бровь.

– Я должна убедиться, – попросила Моника. – Прошу вас.

Я со вздохом повернулся к Кальяни.

– Как сказать на иврите «Я хотел бы попрактиковаться в говорении на иврите. Не могли бы вы побеседовать со мной на вашем языке?»

– Хм... «Я хотел бы попрактиковаться в говорении на иврите» звучит немного странновато. Может, «я хотел бы улучшить мой иврит»?

– Ну да.

– Ани роцэ лешапер эт аиврит шели, – сказала Кальяни.

– Черт, – сказал я. – Язык сломаешь.

– Выбирай выражения! – одернула меня Айви.

– Это не так уж трудно, мистер Стив. Давайте попробуем.

Ани роцэ лешапер эт аиврит шели.

– Эни роте зиле шапер хап... эр ав... – пробормотал я.

– О боже! – ужаснулась Кальяни. – Это... это ужасно. Да-

вайте я буду говорить вам по одному слову зараз.

– Звучит заманчиво, – сказал я и махнул рукой одной из бортпроводниц – той, которая объявляла на иврите правила безопасности полета в самом начале нашего рейса.

Она с улыбкой спросила:

– Чем могу помочь?

– Э-э... – начал я.

– Ани, – терпеливо проговорила Кальяни.

– Ани, – повторил я.

– Роцэ.

– Роцэ...

Было немного непривычно, однако мне удалось договорить фразу до конца. Бортпроводница даже поздравила меня с этим. К счастью, перевести ее слова на английский было проще – Кальяни мне в этом помогла.

– О, у вас ужасный акцент, мистер Стив, – сказала она, когда бортпроводница ушла. – Мне так неловко.

– Мы над этим поработаем, – пообещал я. – Спасибо.

Кальяни улыбнулась мне и обняла, потом попыталась обнять Монику, но та не заметила. Наконец индианка села рядом с Айви, и они начали дружески болтать. Я вздохнул с облегчением. Проще жить, когда мои галлюцинации находят друг с другом общий язык.

– Вы уже говорили на иврите, – упрекнула меня Моника. – Вы его знали до того, как мы взлетели, и последние пару часов просто освежали знания.

– Думайте что хотите.

– Но это невозможно, – продолжила она. – Человек не может изучить новый язык за считанные часы.

Я не стал утруждаться и поправлять ее, уточняя, что я его не учил. В противном случае мой акцент не был бы таким кошмарным и Кальяни не пришлось бы направлять меня слово за словом.

– Мы в самолете, охотимся за камерой, которая может снимать прошлое, – сказал я. – Почему так трудно поверить, что я только что выучил иврит?

– Ладно, ладно. Притворимся, что так и вышло. Но если вы способны учиться так быстро, почему вы до сих пор не знаете все языки – и вообще все возможные области?

– В моем доме для этого недостаточно комнат, – сказал я. – По правде говоря, Моника, я ничего такого не хочу. Я бы с радостью освободился от всего, чтобы жить более простой жизнью. Иногда мне кажется, что вся эта банда в конце концов сведет меня с ума.

– То есть вы... еще не сошли с ума?

– Боже мой, нет. – Я внимательно посмотрел на нее. – Вы в это не верите.

– Вы видите людей, которых нет, мистер Лидс. Такое непросто принять как данность.

– И все же я живу хорошей жизнью. Скажите-ка... Почему вы считаете сумасшедшим меня, но не человека, который не может удержаться на одной и той же работе, изменяет жене,

не владеет собой? Его вы называете нормальным?

– Ну, возможно, не совсем...

– Множество «нормальных» людей на самом деле не контролируют себя. Их психическое состояние – стресс, беспокойство, разочарование – мешает им быть счастливыми. По сравнению с ними, думаю, я просто образец стабильности. Хотя, должен признаться, было бы неплохо, если бы меня оставили в покое. Я не хочу быть особенным.

– Так вот откуда все это взялось, верно? – спросила Моника. – Все эти галлюцинации?

– О, вы у нас теперь психолог? Прочитали умную книгу, пока мы летели? Где ваш новый аспект – давайте-ка я пожму ей руку.

Моника не попала на приманку.

– Вы создаете иллюзии, чтобы навязать им разные вещи. Ваш блистательный ум, который вы считаете обузой. Ваше чувство долга – галлюцинации вынуждают вас покидать дом и отправляться на помощь людям. Это позволяет вам притворяться, мистер Лидс. Притворяться, что вы нормальный. Но в этом и состоит подлинное заблуждение.

Я поймал себя на том, что хочу, чтобы полет поскорее закончился.

– Я никогда раньше не слышал этой теории, – тихо сказал Тобиас сзади. – Возможно, в ней что-то есть, Стивен. Мы должны сказать об этом Айви...

– Нет! – рывкнул я, поворачиваясь к нему. – Она уже до-

статочно покопалась в моих мозгах.

Я снова сел прямо. На лице Моники опять появилось выражение, которое вечно появляется у «нормальных» людей, когда им приходится иметь дело со мной. Как будто им приходится перекладывать динамит, надев на руки кухонные прихватки. Когда на меня так смотрят... это гораздо больней, чем ощущать себя тем, кто я есть.

– Скажите-ка, – проговорил я, чтобы поменять тему, – как же вы позволили Разону провернуть такой фокус?

– Не то чтобы мы не приняли мер предосторожности, – сухо заметила Моника. – Камера была под надежным замком, но мы не могли полностью контролировать, что с нею делает человек, которому заплатили за ее изготовление.

– Тут кроется что-то еще, – не отступил я. – Не обижайтесь, Моника, но вы из тех корпоративных типов, которые любят юлить. Айви и Джей Си давным-давно поняли, что вы не инженер. Вы либо скользкий исполнительный менеджер, которому поручили разобраться с нежелательными элементами, либо скользкий начальник службы безопасности, занятый тем же самым.

– И какая часть из этого не должна меня оскорбить? – холодно спросила она.

– Как же Разон получил доступ ко всем прототипам? – продолжил я. – Вы, конечно, скопировали чертежи без его ведома. Конечно, вы передали версии камеры в лаборатории-спутники, чтобы они могли разобрать их на части и

спроектировать заново методом обратной инженерии. Довольно трудно поверить, что он каким-то образом нашел и уничтожил все это.

Несколько минут она постукивала кончиком пальца по подлокотнику, а потом призналась:

– Ни одна из них не работает.

– Вы в точности скопировали чертежи?

– Да, но ничего не вышло. Мы спросили Разона, и он сказал, что еще не все отладил. У него на любой случай имелись оправдания, но проблемы с собственными прототипами тоже были. Это область науки, в которую еще никто не вторгался. Мы первопроходцы. Без ошибок не обойтись.

– Все правда, – сказал я. – Но вы в это не верите.

– Он что-то сделал с этими камерами, – продолжила она. – Каким-то образом добился того, что они не работают, если его нет рядом. Он мог заставить любой из прототипов функционировать, если у него было достаточно времени, чтобы повозиться с устройством. Если мы ночью меняли одну копию на другую, она работала. Потом мы меняли ее снова – и она переставала работать.

– А другие люди могли использовать камеры в его присутствии?

Она кивнула:

– И даже некоторое время после того, как он уходил. Каждая камера вскоре переставала работать, и нам приходилось приводить его обратно, чтобы он ее починил. Вы должны по-

нять, мистер Лидс. У нас было всего несколько месяцев, на протяжении которых камеры хоть как-то функционировали. Большую часть пребывания Разона в «Азари» его считали законченным шарлатаном.

– Полагаю, не вы.

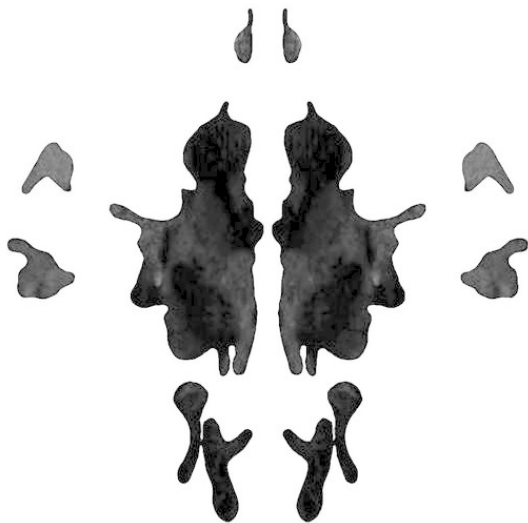
Она ничего не ответила.

– Без него, без этой камеры вашей карьере конец, – сказал я. – Вы его финансировали. Защищали. А потом, когда устройство наконец-то заработало...

– Он меня предал, – прошептала Моника.

Ее взгляд был далеко не приятным. Мне пришло в голову, что, если мы действительно разыщем мистера Разона, я, возможно, сперва напущу на него Джей Си. Ведь Джей Си захочет его пристрелить, а вот Моника разорвет бедолагу на части.

Глава шестая

– Что ж, – саркастично заметила Айви, – хорошо, что мы выбрали отдаленный город. Если бы нам пришлось искать Разона в крупном городском центре – доме трех основных религий, одном из самых популярных туристических направлений в мире, – это было бы действительно трудно.

Я слабо улыбнулся. Мы вышли из аэропорта, и один из двух головорезов-охранников Моники отправился искать машины, которые ее компания заказала для нас.

Во второй половине полета я почти не изучал арабский. Вместо этого думал о Сандре. Толку от таких размышлений было маловато.

Айви озабоченно наблюдала за мной. Иногда в ней просыпался материнский инстинкт. Кальяни подошла к каким-то людям неподалеку и прислушалась к их разговору на иврите.

– Ах, Израиль... – проговорил Джей Си, подходя к нам. – Я всегда хотел сюда приехать, просто чтобы проверить, смогу ли проскользнуть мимо охраны. Она у них лучшая в мире, знаешь ли.

На плече у него была черная сумка из грубого полотна, которую я не узнал.

– Это что такое?

– Карабин М4А1, – сказал Джей Си. – С прикрепленным передовым боевым оптическим прицелом и гранатометом М203.

– Но...

– У меня здесь есть связи, – тихо прибавил он. – «Морской котик» – это на всю жизнь.

Подъехали машины, и водители сильно растерялись от того, почему четыре человека настаивали на двух машинах. Конечно, на самом деле мы едва поместились. Я сел в первую с Моникой, Тобиасом и Айви, которой пришлось втиснуться на заднее сиденье между Моникой и мной.

– Хочешь об этом поговорить? – тихо спросила Айви, пристегивая ремень безопасности.

– Не думаю, что мы ее найдем, даже с помощью фотографии, – сказал я. – Сандра умеет избегать ненужного внимания, и след давно остыл.

Моника вопросительно посмотрела на меня, явно решив, что я разговариваю с ней. Но ничего не сказала, вспомнив, кто ее спутник.

– Знаешь, а ведь наверняка у нее была веская причина уйти, – заметила Айви. – Мы не знаем всего.

– Веская причина? Которая объясняет, почему за десять лет она ни разу с нами не связалась?

– Возможно, – сказала Айви.

Я промолчал.

– Ты же не начнешь нас терять, верно? – спросила она. – Аспекты не начнут исчезать? Меняться?

«Превращаться в нечто кошмарное». Об этом не стоило упоминать.

– Это больше не повторится, – сказал я. – Теперь я контролирую ситуацию.

Айви все еще скучала по Джастину и Игнасио. Честно говоря, я тоже.

– И... эта охота за Сандрой, – добавила Айви. – Дело только в твоей привязанности к ней или в чем-то другом?

– А о чем еще может идти речь?

– Это она научила тебя контролировать свой разум. – Айви отвернулась. – Только не говори мне, что ты никогда не задавался этим вопросом. Может, она хранит еще какие-то

секреты. Возможно, у нее есть... лекарство.

– Не глупи. Мне нравится, как обстоят дела.

Айви не ответила, но я увидел, как Тобиас смотрит на меня в зеркало заднего вида. Изучает меня. Оценивает мою искренность.

На самом деле я и сам в ней сомневался.

А потом мы долго ехали в город – аэропорт от него далеко, ближе к Тель-Авиву. Дорога была живописная, и, въехав в современную часть Иерусалима, наши машины миновали несколько парков вдоль одной стороны дороги. Когда мы приблизились к месту назначения, Тобиас указал на Башню Давида, камни которой несли на себе тяжесть невообразимого времени. За Яффскими воротами последовала поездка по лабиринту улиц Старого города. Она прошла без приключений, не считая того, что мы чуть не задавили где-то так семнадцать туристов. Когда машины остановились, все высыпали наружу, в море болтающих туристов и благочестивых паломников.

У самой церкви не было парковки, поэтому пришлось идти по переулкам и улицам добрых пять минут, прежде чем мы добрались до места. В конце концов священное строение предстало перед нами. Формой напоминающее ящик, оно имело древний, простой фасад с двумя большими арочными окнами на стене, обращенной к нам.

– Храм Гроба Господня, – сказал Тобиас. – По преданию, он стоит на том самом месте, где был распят Иисус из Наз-

рета, а также включает в себя место Его погребения. Это удивительное сооружение изначально представляло собой два здания, построенные в четвертом веке по приказу Константина Великого. Оно заменило собой храм Афродиты, который простоял тут примерно двести лет.

– Спасибо, Википедия, – проворчал Джей Си, вскидывая на плечо штурмовую винтовку. Он переоделся в военную форму.

– Соответствует ли предание истине, – спокойно продолжил Тобиас, сцепив руки за спиной, – и действительно ли здесь имели место означенные исторические события – вопрос до некоторой степени дискуссионный. Надо заметить, традиционное мировоззрение предлагает много удобных объяснений для разных нестыковок – включая, к примеру, доводы о том, что храм Афродиты был построен здесь для подавления ранних христианских богослужений, – было доказано, что планировка храма в том, что касается ключевых моментов, соответствует языческому святилищу. Кроме того, тот факт, что церковь находится в пределах городских стен, представляет собой отличный аргумент – ведь могила Иисуса теоретически должна располагаться за пределами города.

– Нам все равно, подлинное тут все или нет, – сказал я, проходя мимо Тобиаса. – Разон должен был сюда прийти. Это одно из самых очевидных мест – если не самое очевидное, – чтобы начать поиски. Моника, на пару слов, пожалуй-

ста.

Она зашагала рядом со мной, а ее головорезы отправились проверить, нужны ли нам билеты, чтобы войти. Вокруг было очень много полиции, но, с другой стороны, храм находится на Западном берегу, и в последнее время было несколько угроз терактов.

– Что вам нужно? – спросила меня Моника.

– Камера выдает снимки немедленно? Она работает как цифровой фотоаппарат?

– Нет, она снимает только на пленку. Средний формат, без цифрового задника⁴. Разон на этом настоял.

– Теперь вопрос потруднее. Вы же понимаете, в чем проблема с камерой, которая делает снимок в точности того же места, на которое ее нацелил фотограф, только в прошлом, да?

– Что вы имеете в виду?

– Всего лишь это: мы сейчас не в том месте, где могли бы оказаться две тысячи лет назад. Планета движется. Одна из теоретических проблем путешествий во времени заключается в том, что если бы вы вернулись во времени на сто лет назад, в ту самую точку, где мы сейчас находимся, то, скорее всего, очутились бы в открытом космосе. Даже если вам очень повезет и планета окажется в одном и том же ме-

⁴ *Средний формат* – класс фотоаппаратуры с размером кадрового окна от 4,5 × 6 сантиметров до 6 × 9 см; *цифровой задник* – сменный модуль пленочного фотоаппарата, предназначенный для преобразования оптического изображения в цифровое.

сте на своей орбите, вращение Земли будет означать, что вы появитесь где-то еще на ее поверхности. Или под поверхностью, или в сотнях футов над землей.

– Нелепость какая-то.

– Это наука, – возразил я, глядя на фасад храма.

А вот то, чем мы здесь занимались, как раз было нелепостью.

И все же...

– Все, что я знаю, – сказала она, – это то, что Разону нужно было попасть в определенное место, чтобы сфотографировать его.

– Хорошо, – сказал я. – Еще один вопрос. Какой он? Как человек?

– Резкий, – тотчас же ответила она. – Любит спорить. И он очень бережно относится к своему оборудованию. Уверена, что половина объяснения того, как Разону удалось сбежать с камерой, заключается в его постоянных заверениях, дескать, он следит за своими приборами, как маньяк, – вот мы и расслабились.

Наконец наша компания вошла в храм. В душном воздухе слышался шепот туристов и шарканье ног по камням. Здесь по-прежнему было действующее место поклонения.

– Мы что-то упускаем, Стив, – сказала Айви, шагая рядом со мной. – Мы игнорируем важную часть головоломки.

– Есть догадки? – спросил я, окидывая взглядом богато украшенный интерьер храма.

– Я работаю над этим.

– Погоди-ка, – встрял Джей Си, догоняя нас. – Айви, ты думаешь, что мы что-то упускаем, но не знаешь, что именно, и понятия не имеешь, что это может быть?

– В целом да, – ответила Айви.

– Эй, Тощий, – сказал он мне, – кажется, я потерял миллион долларов, но не знаю почему и не имею ни малейшего понятия, как я мог его заработать. Но я уверен, что скучаю по нему. Так что если бы ты мог что-нибудь с этим сделать...

– Какой же ты клоун, – сказала Айви.

– То, что я сказал, – продолжил Джей Си, – это была метафора.

– Нет, – отрезала она. – Это было умозаключение.

– Чего?

– Умозаключение, которое должно было доказать, что ты идиот. О! Знаешь что? Оно увенчалось успехом! Quod erat demonstrandum⁵. Мы можем без колебаний сказать, что ты действительно идиот.

Они ушли прочь, продолжая пререкаться. Я покачал головой, углубляясь в церковь. Место, где предположительно произошло распятие, было отмечено позолоченной нишей, заполненной туристами и паломниками. Я недовольно скрестил руки на груди. Многие туристы фотографировали.

– Что? – спросила Моника.

– Надеялся, что тут запрещено фотографировать со

⁵ Что и требовалось доказать (лат.).

вспышкой, — объяснил я. — Как в большинстве подобных мест. — Случись оно так, кто-то бы наверняка заметил, что делает Разон.

Может, это и было запрещено, но стоящих рядом полицейских не волновало, что делают люди.

— Мы начнем поиски, — заявила Моника и сделала резкий жест своим людям.

Все трое начали пробираться сквозь толпу, следуя нашему хрупкому плану: попытаться отыскать в одном из святых мест человека, который увидел Разона и запомнил его.

Я ждал, заметив, что двое полицейских неподалеку разговаривают на иврите. Один помахал другому, очевидно, уходя с дежурства, и пошел прочь.

— Кальяни, — сказал я, — за мной.

— Конечно, мистер Стив.

Она присоединилась ко мне резвым шагом, и мы направились к уходящему полицейскому.

Он бросил на меня усталый взгляд.

— *Здравствуйте*, — сказал я на иврите с помощью Кальяни. Я сперва бормотал себе под нос то, что хотел сказать, чтобы она смогла перевести. — *Извините за мой ужасный иврит!*

Он помедлил, потом улыбнулся:

— *Он не так уж плох.*

— *Он кошмарен.*

— *Вы еврей?* — предположил он. — *Из Штатов?*

— *Вообще-то, я не еврей, хотя и из Штатов. Я просто ду-*

маю, что человек должен попытаться выучить язык страны, прежде чем посетить ее.

Офицер улыбнулся. Он казался вполне дружелюбным человеком, как, впрочем, и большинство людей. И им нравилось, когда иностранцы пытались говорить на их родном языке. Мы еще немного поболтали по пути, и я узнал, что он действительно уходит с дежурства. Кто-то должен был за ним приехать, но он, похоже, не возражал поговорить со мной, пока ждет. Я пытался продемонстрировать, что хочу попрактиковаться в языке, разговаривая с местным жителем.

Полицейского звали Моше, и он работал в одну и ту же смену почти каждый день. Его обязанность состояла в том, чтобы следить за людьми, которые пытались делать глупости, а затем останавливать их, хотя он признался, что намного важнее не допустить террористических атак в храме. Его обычный участок находился в другой части города, но Моше перевели сюда на время праздников, когда правительство беспокоилось по поводу возможных актов насилия и хотело более заметного присутствия властей в туристических местах. В конце концов, этот храм находился на спорной территории.

Через несколько минут я потихоньку перевел разговор на Разона.

– Уверен, вам случается увидеть кое-что интересное, – сказал я. – Перед тем как прийти сюда, мы побывали у Садовой могилы. Там был один сумасшедший азиат, кричал на

всех.

– Правда? – спросил Моше.

– Ага. Судя по акценту, он американец, но с азиатскими чертами лица. Так или иначе, у него была большая камера, установленная на треноге, – как будто он там самая важная шишка и никто другой не заслуживал права фотографировать. Сильно повздорил с полицейским, который не хотел, чтобы он использовал вспышку. – Моше рассмеялся. – Он и здесь побывал.

Кальяни хихикнула, переводя это.

– О, вы молодец, мистер Стив!

– В самом деле? – небрежно спросил я.

– Да, точно, – подтвердил Моше. – Должно быть, это тот самый парень. Он был здесь... хм... два дня назад. Проклинал всех, кто толкал его, пытался подкупить меня, чтобы я отодвинул их всех и предоставил ему побольше места. Но странно, что когда он начал фотографировать, то не возражал, если кто-то загоразживал объектив. И он снимал по всему храму, даже снаружи, самые неинтересные места!

– Настоящий псих, да?

– Да уж, – усмехнулся офицер. – Я постоянно вижу таких туристов. С большими крутыми камерами, на которые они потратили кучу денег, а фотографировать совсем не умеют. Этот парень – он не знал, когда надо включать вспышку, понимаете? Использовал ее при каждой снимке – даже на солнце и на алтаре, со всеми его огнями!

Я рассмеялся.

– Ну да! – сказал он. – *Американцы!* – Потом одумался. – *Ох, простите, я не хотел вас обидеть.*

– *Да я не обижаюсь,* – ответил я, тотчас же пересказывая ответ Кальяни. – *Я индус.*

Он растерянно моргнул и уставился на меня вопросительно.

– Ой! – воскликнула Кальяни. – Простите, мистер Стив! Я не подумала.

– Все в порядке.

Офицер рассмеялся:

– *Вы хорошо знаете иврит, но, сдается мне, сказали сейчас не то, что хотели сказать!*

Я тоже засмеялся и заметил, что к нему идет женщина и машет рукой. Я поблагодарил его за беседу и еще раз осмотрел храм. В конце концов меня нашли Моника и ее лакеи, один из которых как раз прятал фотографии Разона.

– Никто его тут не видел, Лидс, – сказала она. – Это тупик.

– Да что вы говорите? – ответил я и направился к выходу.

Тобиас присоединился к нам, сцепив руки за спиной.

– Какое чудо, Стивен, – сказал он мне и кивнул в сторону вооруженного полицейского в дверях. – Иерусалим – город, название которого буквально означает «мир». Он наполнен островами безмятежности, подобными этому, где люди ведут богослужения дольше, чем существует большинство стран. Но здесь насилие всегда в нескольких шагах.

Насилие...

– Моника, – сказал я, нахмурившись, – вы говорили, что сами искали Разона, прежде чем отправились ко мне. Вы проверяли, улетал ли он из Штатов?

– Ага, – сказала она. – У нас есть кое-какие связи в госбезопасности. Никто с таким именем не вылетал из страны, но фальшивые документы найти не так уж сложно.

– А поддельный паспорт поможет попасть в Израиль? Одну из тех стран на планете, где к вопросам безопасности относятся серьезнее всего?

Моника нахмурилась:

– Об этом я не подумала.

– Как-то рискованно.

– Ну да, и сейчас самое время об этом вспомнить, Лидс. Вы хотите сказать, его тут все-таки нет? И мы потратили...

– О, он здесь, – рассеянно проговорил я. – Мне удалось найти полицейского, который с ним разговаривал. Разон фотографировал тут все подряд.

– Никто из тех, с кем мы говорили, его не видел.

– Полиция и духовенство здесь принимают тысячи посетителей в день, Моника. Нельзя показать им фотографию и ждать, что они вспомнят. Нужно сосредоточиться на чем-то незабываемом.

– Но...

– Помолчите минутку, – попросил я, вскинув руку.

«Он приехал в Израиль. Незаметный маленький инженер

с чрезвычайно ценным оборудованием и фальшивым паспортом. Дома у него был пистолет, из которого ни разу не стреляли. Откуда взялась эта штука?»

Я идиот...

– Вы можете узнать, когда Разон купил пистолет? – спросил я. – Законы штата об оружии должны позволить его отследить, верно?

– Конечно. Я займусь этим, когда мы доберемся до отеля.

– Сделайте это сейчас.

– Сейчас? А вы понимаете, который час в...

– Все равно сделайте. Разбудите кого-нибудь. Получите ответ.

Она сердито посмотрела на меня, но отошла и сделала несколько телефонных звонков. Последовали сердитые разговоры.

– Надо было подумать об этом раньше, – проговорил Тобиас, качая головой.

– Знаю.

В конце концов Моника захлопнула телефон и вернулась:

– Нет никаких записей о том, что Разон покупал оружие.

Пистолет в его квартире не зарегистрирован нигде.

Ему помогли. Ну конечно ему помогли. Он планировал это в течение многих лет, и у него был доступ ко всем фотографиям, позволяющим доказать, что его план не беспочвенный.

Он нашел кого-то, кто смог обеспечить его всем необхо-

димым. Защитить. Кого-то, кто дал ему пистолет, фальшивые документы. И этот кто-то помог ему проникнуть в Израиль.

Так к кому же он обратился? Кто ему помогал?

– Айви, – сказал я, – нам надо...

И осекся.

– Где Айви?

– Понятия не имею, – ответил Тобиас.

Кальяни пожала плечами.

– Вы потеряли одну из своих галлюцинаций? – спросила Моника.

– Да.

– Ну так позовите ее обратно.

– Так не пойдет, – сказал я и отправился искать ее в храме, озираясь по сторонам.

Священнослужители бросали на меня странные взгляды, но в конце концов я сунул нос в один из укромных уголков и застыл как вкопанный.

Джей Си и Айви поспешно прервали поцелуй. Ее макияж размазался, и – невероятно! – Джей Си отложил пистолет в сторону, забыл про него. Это случилось впервые.

– Обалдеть... – растерянно произнес я, поднеся руку к лицу. – Эй? Чем это вы двое заняты?

– Не знала, что мы должны докладывать тебе о характере наших отношений, – холодно ответила Айви.

Джей Си показал мне большой палец и улыбнулся.

– Не важно, – сказал я. – Пора идти. Айви, я не думаю, что Разон работал один. Он приехал в страну по поддельному паспорту, и кое-что другое тоже не складывается. Могли ему оказать поддержку кто-то из местных? Вдруг есть какая-то местная организация, которая помогает ему избегать подозрений и перемещаться по городу?

– Возможно, – сказала она, стараясь не отставать. – Хотелось бы подчеркнуть, что вероятность того, что он работает один, все равно остается, но, если поразмыслить, это и впрямь кажется маловероятным. Ты додумался до этого сам? Отличная работа!

– Спасибо. У тебя волосы разлохматились.

В конце концов мы добрались до машин и сели по местам: я и Моника, Айви и Джей Си. Оба громилы и два других моих аспекта заняли первую машину.

– Возможно, ты прав в этом отношении, – сказала Моника, когда машины тронулись.

– Разон – умный человек, – сказал я. – Он должен был искать союзников. Другую компанию, возможно израильскую. Кто-нибудь из ваших конкурентов знает об этой технологии?

– Нам это неизвестно.

– Стив... – сказала Айви, садясь между нами.

Она стерла остатки помады, поправила волосы. Явно пыталась игнорировать то, что я видел между нею и Джей Си.

Вот проклятье. Я думал, они ненавидят друг друга. Разберусь с этим потом.

– Да?

– Задай Моники мой вопрос. Разон когда-нибудь предлагал ее компании такой проект? Снимки, позволяющие доказать подлинность христианства?

Я пересказал.

– Нет, – ответила Моника. – Случись такое, я бы вам рассказала. Это бы привело нас сюда быстрее. Он никогда не обращался к нам с такими просьбами.

– Это странно, – сказала Айви. – Чем больше мы работаем над этим делом, тем больше убеждаемся, что Разон проделал невероятную работу, чтобы попасть сюда, в Иерусалим. Почему бы не воспользоваться ресурсами, которые у него уже были? Лабораторией «Азари».

– Может, он хотел свободы, – предположил я. – Хотел использовать свое изобретение, как ему заблагорассудится.

– В таком случае, – сказала Айви, – он бы не стал связываться с конкурирующей компанией, как ты предположил. Это было бы то же самое. А ну-ка, ткни Монику. Судя по виду, она о чем-то размышляет.

– Что? – спросил я женщину. – Вы хотите что-то добавить?

– Ну... – проговорила Моника. – Как только мы убедились, что камера работает, Разон действительно обратился с вопросом о некоторых проектах, которые хотел воплотить в жизнь. Раскрытие правды об убийстве Кеннеди, опровержение или подтверждение видео Паттерсона – Гимлина со

снежным человеком и тому подобное.

– И вы подрезали ему крылышки, – предположил я.

– Не знаю, сколько времени вы потратили на раздумья о последствиях применения этого устройства, мистер Лидс, – сказала Моника. – Вопросы, которые вы задавали мне в самолете, указывают, что вы, по крайней мере, уже начали. Ну а мы обдумали все. И мы в ужасе.

Эта штука изменит мир. Дело не только в доказательстве тайн. Это ведь еще и конец частной жизни, какой мы ее знаем. Если кто-то может получить доступ к тому месту, где вы когда-то были голым, он сделает ваше фото нагишом. Вообразите, как обрадуются папарацци.

Вся наша система правосудия пойдет кувырком. Больше никаких присяжных, судей, адвокатов, судов. Правоохранителям просто нужно будет съездить на место преступления и сделать снимок. Если вас подозревают, вы предоставляете алиби – и они могут доказать, были ли вы там, где утверждаете.

Она с измученным видом покачала головой:

– А как же история? Национальная безопасность? Хранить секреты становится все труднее. Государствам придется блокировать места, где однажды была представлена важная информация. Ничего нельзя будет записать. Курьер с секретными документами прошел по улице? На следующий день вы сможете отыскать нужное место и сделать снимок внутри конверта. Мы это проверили. Только представьте себе такую

власть. А теперь вообразите, что она есть у каждого человека на планете.

– Черт... – прошептала Айви.

– Вот потому-то, – продолжила Моника, – мы бы не позволили мистеру Разону отправиться в Иерусалим и сделать снимки, подтверждающие или опровергающие христианство. Пока что – нет. До той поры, пока мы не обсудим этот вопрос. Думаю, он знал. Это объясняет, почему он сбежал.

– Это не помешало подготовить способы, позволяющие привлечь мое внимание и подтолкнуть к деловому соглашению с вами, – заметил я. – Сдается мне, если вы делали снимки для меня, то и для других важных людей тоже. Вы собирали ресурсы, чтобы обзавестись стратегическими союзниками, не так ли? Самыми богатыми людьми мира, представителями элиты? Чтобы они помогли вам оседлать эту волну, как только технология начнет распространяться?

Она поджала губы, глядя прямо перед собой.

– Возможно, Разону это показалось корыстным, – сказал я. – Вы не желали помочь ему донести правду до человечества, но собирали материал для подкупа? И даже для шантажа.

– У меня нет полномочий продолжать этот разговор, – сказала Моника.

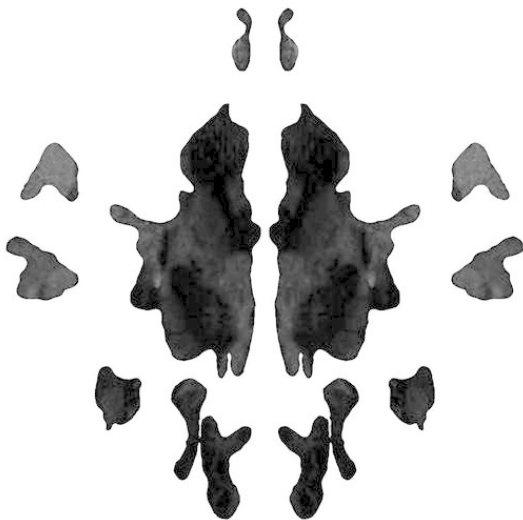
Айви фыркнула:

– Ну что ж, мы знаем, почему он ушел. Я все еще не думаю, что он пошел бы в конкурирующую компанию, но он

с кем-то связался. Может быть, с израильским правительством? Или...

Настала тьма.

Глава седьмая

Я пришел в себя, сбитый с толку. Перед глазами все расплывалось.

– Взрыв, – сказал Джей Си.

Он присел рядом со мной. Я был привязан к стулу. С руками, заведенными за спину. И находился непонятно где.

– Спокойно, Тощий, – сказал Джей Си. – Сохраняй спокойствие. Машина перед нами взорвалась. Нас кинуло в сторону. Мы врезались в здание сбоку от дороги. Помнишь?

Едва ли. Воспоминания путались.

– Моника? – прохрипел я, оглядываясь.

Она была привязана к стулу рядом со мной. Кальяни, Айви и Тобиас тоже были там, связанные и с кляпами во рту. Охранников Моника нигде не было видно.

– Мне удалось выползти из-под обломков, – сказал Джей Си. – Но я не могу тебя вытащить.

– Знаю, – сказал я.

Лучше не давить на Джей Си, напоминая о том, что он галлюцинация. Уверен, в глубине души он это прекрасно знал. Просто не любил признавать.

– Послушай, – продолжил Джей Си, – положение аховое, но ты владей собой, и спасешься. Понял, солдат?

– Ага.

– Скажи еще раз.

– Да, – проговорил я тихо, но твердо.

– Молодец, – сказал Джей Си. – Я развяжу остальных. – И он принялся освобождать другие мои аспекты.

Моника застонала, качая головой:

– Что...

– Кажется, мы допустили грубейший просчет, – сказал я. – Мне очень жаль.

Удивительно, насколько спокойно это прозвучало, учитывая, как я был напуган. В душе я ученый, – по крайней мере, большинство моих аспектов такие. Я не выношу насилия.

– Что вы видите? – спросил я.

На этот раз мой голос дрогнул.

– Маленькая комната, – сказала Айви, потирая запястья. – Окон нет. Я слышу, как течет вода по трубам и где-то далеко раздается слабый шум уличного движения. Мы все еще в городе.

– Какие чудесные места ты нам показываешь, Стивен, – проговорил Тобиас, благодарно кивнув, когда Джей Си помог ему подняться на ноги. Тобиасу было уже немало лет.

– Я слышу снаружи арабский, – заметила Кальяни.

– Да. – Тобиас закрыл глаза. – Мимо едет поезд. Замедляется. Останавливается... Есть что-то странное в том, как он тут притормозил... Это не станция, но остановка какого-то иного рода. Машины, голоса. Церковные колокола. Это что, идиш? И муэдзин призывает к молитве? – Он резко открыл глаза. – Мы где-то на улице Шивтей Исраэль, недалеко от Старого города. Это оживленный район. Крики могут привлечь чье-то внимание, и нам помогут.

– Или убьют, – возразил Джей Си. – Вербки тугие, Тощий. У Моники тоже.

– Что происходит? – спросила Моника. – Что случилось?

– Фотографии, – сказала Айви.

Я посмотрел на нее.

– Моника и ее громилы показывали людям те фотографии Разона, пока ходили по храму, – объяснила Айви. – И наверное, спрашивали всех подряд, не видел ли его кто-то. Если он действительно работал с кем-то...

Я застонал. Ну конечно. Союзники Разона должны были наблюдать за каждым, кто охотился на него. Моника нарисовала на наших спинах громадную мишень.

– Ладно, – сказал я. – Джей Си, ты должен вытащить нас отсюда. Что нам надо...

Дверь открылась.

Я немедленно повернулся к нашим похитителям и увидел совсем не то, чего ожидал. Вместо исламских террористов мы столкнулись с группой филиппинцев в костюмах.

– А-а-а... – протянул Тобиас.

– Мистер Лидс... – с акцентом произнес тот, что вошел впереди остальных, и пролистал папку, полную бумаг. – Судя по всему, вы очень интересный и очень... благоразумный человек. Мы приносим извинения за то, как с вами обходились до сих пор, и хотели бы поместить вас в гораздо более комфортные условия.

– Я предчувствую, сейчас нам предложат сделку, – предупредила Айви.

– Меня зовут Салик, – продолжил мужчина. – Я представляю некую группу, интересы которой могут совпадать с вашими. Вы слышали о ФНОМ, мистер Лидс?

– Фронт национального освобождения моро, – сказал Тобиас. – Это филиппинская революционная группа, стремящаяся отделиться и создать свое собственное национальное государство.

– Да, слышал, – сказал я.

– Хорошо, – продолжил Салик. – У меня есть предложение. У нас есть устройство, которое вы ищете, но мы столкнулись с некоторыми трудностями в его эксплуатации. Сколько нам будет стоить заручиться вашей помощью?

– Один миллион долларов США, – ответил я, не промедлив ни секунды.

– Предатель! – прошипела Моника.

– Ты даже не платишь мне, Моника, – сказал я, забавляясь. – Так что не вини меня за то, что я приму лучшую сделку.

Салик улыбнулся. Он был уверен, что я продам Моника. Иногда очень полезно иметь репутацию затворника и аморальной скотины.

На самом деле я всего лишь затворник. Ну, может быть, временами веду себя по-скотски. Сталкиваясь с сочетанием этих двух качеств, люди обычно предполагают, что я ко всему прочему еще и аморален.

– ФНОМ – военизированная организация, – продолжил Тобиас. – Однако насилия с их стороны было не так уж много, поэтому происходящее – большой сюрприз. Их принципиальное разногласие с основным филиппинским правительством связано с религией.

– Разве это не всегда так? – хмыкнул Джей Си, взглядом выискивая на вновь прибывших оружие. – Этот парень вооружен, – сказал он, кивком указывая на главного. – Думаю, остальные тоже.

– Действительно, – согласился Тобиас. – Думайте про ФНОМ как про филиппинскую версию ИРА или палестинского ХАМАСА. Последнее даже лучше подходит, потому что ФНОМ часто воспринимается как исламская организация. Большая часть Филиппин – католическая, но в регионе Бангсаморо, где действует ФНОМ, преобладает ислам.

– Развяжите его, – сказал Салик, указывая на меня.

Его люди принялись за работу.

– Он о чем-то лжет, – сказала Айви.

– Да, – согласился Тобиас. – Я думаю... Да, он не из ФНОМ. Возможно, он пытается повесить происходящее на них. Стивен, ФНОМ категорически против того, чтобы подвергать опасности гражданское население. Если бы ты про них читал, сам бы понял, насколько это удивительно. Они борцы за свободу, которые действуют согласно строгому кодексу, определяющему, кому можно причинять вред. Недавно они объявили, что посвятят себя мирному отделению.

– Сомневаюсь, что это сделало их ужасно популярными среди сторонников, – сказал я. – Отколовшиеся группы существуют?

– В каком смысле? – спросил Салик.

– Ни в каком. – Я встал, потирая запястья. – Благодарю. Я бы очень хотел увидеть устройство.

– Сюда, пожалуйста, – сказал Салик.

– Ублюдок! – крикнула мне вслед Моника.

– Выбирайте выражения! – огрызнулась Айви и поджала

губы.

Она и другие мои аспекты последовали за мной, и охранники закрыли дверь, оставив Монику одну в комнате.

– Да... – проговорил Тобиас, идя вслед за мужчинами, которые вели меня вверх по лестнице. – Стивен, я думаю, это «Абу Сайяф». Группировка, возглавляемая человеком по имени Кадаффи Джанджалани, отделилась от ФНОМ, потому что организация была не готова зайти достаточно далеко. Джанджалани недавно умер, и будущее движения несколько под вопросом, но его целью было создание чисто исламского государства в регионе. Он считал убийство любого, кто противостоял ему... э-э... элегантным способом достижения своих целей.

– Похоже, у нас есть победитель, – сказал Джей Си. – Ладно, Тоций. Вот что тебе нужно сделать. Пни парня позади себя, когда он сделает шаг. Он упадет на парня рядом с ним, и ты сможешь справиться с Саликом. Разверни его, чтобы прикрыться от огня сзади, достань оружие из-за пазухи и начни стрелять через его тело в людей внизу.

Айви затошнило.

– Это ужасно!

– Ты же не думаешь, что он нас отпустит? – спросил Джей Си.

– «Абу Сайяф», – услужливо подсказал Тобиас, – устроили на Филиппинах множество убийств, взрывов и похищений. Они также очень жестоки с местными жителями и дей-

ствуют скорее как организованная преступная семья, чем как истинные революционеры.

– То есть... это значит «нет», верно? – догадался Джей Си.

Мы спустились на первый этаж, и Салик провел нас в боковую комнату. Здесь были еще двое, одетые как солдаты, с гранатами на поясе и штурмовыми винтовками в руках.

Между ними на столе стояла камера среднего формата. Она выглядела... обычной.

– Мне нужен Разон, – сказал я, садясь. – Чтобы задать ему парочку вопросов.

Салик фыркнул:

– Он не будет говорить с вами, мистер Лидс. Можете положить на нас в этом вопросе.

– Значит, он с ними не работает? – спросил Джей Си. – Я запутался.

– Все равно приведите его, – сказал я и начал осторожно возиться с камерой.

Проблема была в том, что я понятия не имел, что делаю. Ну почему, почему я не взял с собой Айвенса? Стоило догадаться, что в этой поездке мне понадобится механик.

Но если я призывал слишком много аспектов – держал их слишком много рядом с собой, – случались плохие вещи. Теперь это не имело значения. Айвенс остался на другом континенте.

– Есть идеи? – спросил я вполголоса.

– Не смотри на меня, – ответила Айви. – У меня даже

пульт от телевизора не всегда срабатывает.

– Перережь красный провод, – предложил Джей Си. – Дело всегда в красном проводе.

Я бросил на него бесстрастный взгляд, затем отвинтил часть камеры и заглянул внутрь, делая вид, будто знаю, что делаю. У меня тряслись руки.

К счастью, Салик послал кого-то, чтобы выполнить мою просьбу. После этого он внимательно наблюдал за мной. Он, вероятно, читал об инциденте в Лонгвее, где я успел разобрать, починить и собрать сложную компьютерную систему, чтобы предотвратить взрыв. Но все это сделал Айвенс с некоторой помощью Чина, нашего постоянного эксперта по компьютерам.

Без них я был бесполезен в таких делах. Я изо всех сил старался этого не показывать, пока солдат не привел Разона. Я узнал его по фотографиям, которые мне показывала Моника. С трудом. Его разбитая губа кровоточила, левый глаз заплыл, и он шел спотыкаясь и прихрамывая. Когда он сел на табурет рядом со мной, я увидел, что он лишился одной руки. Обрубок был обмотан окровавленной тряпкой.

Он закашлялся.

– А-а. Полагаю, мистер Лидс, – сказал он с легким филиппинским акцентом. – Мне ужасно жаль, что я застал вас здесь.

– Осторожно, – предупредила Айви, изучая Разона. Она стояла рядом с ним. – Они наблюдают. Не веди себя слишком

дружелюбно.

– О, мне это совсем не нравится, – сказала Кальяни. Она подошла к каким-то ящикам в дальнем конце комнаты и присела на корточки, спрятавшись за ними. – И часто с вами будет так, мистер Стив? Потому что я не создана для этого.

– Вам жаль, что я здесь? – резко ответил я Разону. – Но при этом вы не удивлены. Это вы помогли Моники и ее друзьям собрать материалы для того, чтобы шантажировать меня.

Его здоровый глаз чуть расширился. Он знал, что о шантаже речь не шла. Точнее, я на это надеялся. Поймет ли он? Догадается ли, что я пришел помочь ему?

– Я это сделал... под давлением, – проговорил он.

– И все равно ты ублюдок, как я погляжу, – огрызнулся я.

– Выбирай выражения! – встряла Айви, уперев руки в боки.

– Короче, – продолжил я, обращаясь к Разону. – Это все ерунда. Ты покажешь мне, как заставить эту машину работать.

– Вот уж нет! – ответил он.

Я повернул винт, мысли мои путались. Как же подобраться к нему достаточно близко, чтобы тихонько поговорить, не вызывая подозрений?

– Ты мне pomoжешь или...

– Осторожнее, дурак! – вскричал Разон и вскочил со стула.

Один из солдат навел на нас пистолет.

– Предохранитель включен, – сказал Джей Си. – Не о чем беспокоиться. Пока что.

– Это очень нежное оборудование, – проговорил Разон, забирая у меня отвертку. – Не надо его ломать. – Он начал выкручивать винт единственной рукой. Потом очень тихо спросил: – Вы здесь с Моникой?

– Да.

– Ей нельзя доверять, – сказал он. Помедлив, прибавил: – Но она никогда не била меня и не отрезала мне руку. Так что, возможно, не мне судить о том, кому можно доверять.

– Как они вас нашли? – прошептал я.

– Я похвастался матери, – ответил он. – Она похвасталась родственникам. Слухи дошли до этих монстров. У них есть связи в Израиле. – Ученый пошатнулся, и я поддержал его, не давая упасть. Его лицо было бледным. Он был не в лучшей форме.

– Они связались со мной, – продолжил он, с трудом орудуя отверткой. – Выдали себя за христианских фундаменталистов с моей родины, сказали, что готовы финансировать мою операцию, чтобы получить доказательства. Я узнал правду лишь два дня назад. Это...

Он замолчал, уронив отвертку, когда Салик внезапно подошел ближе. Террорист махнул рукой, и один из его солдат схватил Разона за окровавленный обрубок, рванул прочь от стола. Разон вскрикнул от боли.

Солдаты повалили его на землю и стали избивать прикладами винтовок. Я с ужасом наблюдал за происходящим, и Кальяни заплакала. Даже Джей Си отвернулся.

– Я не чудовище, мистер Лидс, – сказал Салик, присаживаясь на корточки рядом с моим стулом. – Я человек с ограниченными ресурсами. Вы обнаружите, что в большинстве ситуаций довольно трудно понять разницу между тем и этим.

– Пожалуйста, остановите солдат, – прошептал я.

– Видите ли, я пытаюсь найти мирное решение, – сказал Салик. Он не остановил избиение. – Мой народ осуждают, когда мы используем единственные методы, которые у нас есть – методы отчаявшихся – для борьбы. Эти методы использовал каждый революционер, включая основателей вашей страны, чтобы обрести свободу. Мы будем убивать, если придется, но, возможно, нам не придется. На этом столе у нас мир, мистер Лидс. Почините эту машину, и спасете тысячи и тысячи жизней.

– Зачем она вам? – спросил я, нахмурившись. – Что вы хотите получить? Возможности для шантажа?

– Силу, способную исправить мир, – сказал Салик. – Нам просто нужно несколько фотографий. Доказательство.

– Доказательство того, что христианство ложно, Стивен, – сказал Тобиас, подходя ко мне. – Это будет трудная задача для них, поскольку ислам принимает Иисуса из Назарета как пророка. Однако не признаёт воскресения или многих чудес, приписываемых более поздним последователям. С правиль-

ным фото они могли бы попытаться подорвать католицизм – религию, которую исповедуют большинство филиппинцев, – и тем самым дестабилизировать регион.

Должен признаться, что, как ни странно, я испытывал искушение. О, мне не хотелось помочь такому монстру, как Салик. Но я понял его точку зрения. Почему бы не взять эту камеру и не доказать, что... все религии ложны?

Это вызовет хаос. В некоторых частях света, возможно, много смертей.

Или не вызовет?

– Веру не так-то легко подорвать, – пренебрежительно заметила Айви. – Это не создаст таких проблем, на какие он рассчитывает.

– Потому что вера слепа? – спросил Тобиас. – Возможно, ты права. Многие продолжают верить, несмотря на факты.

– Какие факты? – парировала Айви. – Картинки, чья достоверность под вопросом? Созданные при помощи технологии, которую никто не понимает?

– Ты уже пытаешься защитить то, что еще не отвергнуто, – спокойно сказал Тобиас. – Ведешь себя так, будто знаешь, что произойдет, и должна отбиваться от доказательств, которые могут быть найдены. Айви, разве ты не видишь? Какие факты заставят тебя взглянуть на проблему рациональным взглядом? Как можно быть такой логичной в стольких областях и в то же время такой слепой в этой?

– Тише! – прикрикнул я на них и схватился руками за

голову. – Тише!

Салик нахмурился. Только теперь главарь заметил, как жестоко его солдаты избили Разона.

Он что-то закричал на тагальском или каком-то другом филиппинском языке, – может, мне стоило изучить их вместо иврита. Солдаты попятились, и Салик опустился на колени, чтобы перевернуть упавшего Разона.

Разон сунул здоровую руку в карман Салика и потянулся за пистолетом. Салик отпрыгнул назад, и кто-то вскрикнул. Последовал тихий щелчок.

Все в комнате замерли. Солдат выхватил пистолет с глушителем и в панике выстрелил в Разона. Ученый лежал на спине с открытыми мертвыми глазами, и пистолет Салика выскользнул из его пальцев.

– О, бедняга, – сказала Кальяни, опускаясь на колени рядом с ним.

В этот момент кто-то схватил одного из солдат у двери сзади и потянул его вниз.

Крики начались немедленно. Я вскочил со стула и потянулся за фотоаппаратом. Салик схватил его первым, хлопнул по нему рукой и потянулся к лежащему на полу пистолету.

Я выругался, кинулся прочь и бросился за штабель ящиков, где несколько минут назад укрылась Кальяни. В комнате началась стрельба, и в один из ящиков рядом со мной попали: во все стороны полетели щепки.

– Это Моника! – сказала Айви, прячась за столом. – Она

выбралась и атакует их.

Я осмелился выглянуть из-за ящиков как раз вовремя, чтобы увидеть, как один из солдат «Абу Сайяфа» рухнул в центре комнаты, рядом с телом Разона, сраженный выстрелами. Остальные палили в Монику, которая укрылась на лестнице, ведущей вниз – туда, где нас с ней держали в плену.

– Черт возьми! – вскричал Джей Си, присаживаясь рядом со мной. – Она сбежала сама. Кажется, эта женщина начинает мне нравиться!

Салик что-то вопил на тагальском. Он не пошел за мной, а укрылся рядом со своей охраной. Террорист крепко прижимал к себе камеру, и к нему присоединились еще двое солдат, сбежавших по лестнице сверху.

Я подумал, что выстрелы вскоре привлекут внимание. Но времени у нас не было. Монику прижали. Я едва мог видеть, как она прячется на лестнице и пытается найти способ выбраться и открыть стрельбу по филиппинцам из оружия, украденного у охранника, с которым разобралась первым. Его ноги торчали из дверного проема рядом с ней.

– Ладно, Тоший, – сказал Джей Си. – Это твой шанс. Нужно что-то делать. Они схватят ее до того, как придет помощь, и мы потеряем камеру. Время героизмовать.

– Я...

– Ты мог бы убежать, Стивен, – сказал Тобиас. – Прямо за нами комната. Там должны быть окна. Я не говорю, что

ты должен это делать, я даю тебе выбор.

Кальяни всхлипнула и забилась в угол. Айви лежала под столом, заткнув уши пальцами и наблюдая за перестрелкой расчетливым взглядом.

Моника попыталась выскочить и открыть огонь, но пули вонзились в стену рядом с ней, заставив отступить. Салик все еще что-то кричал. Несколько солдат начали стрелять в меня, загоняя обратно в укрытие.

Пули ударили в стену надо мной, осколки камня посыпались мне на голову. Я вдохнул и выдохнул.

– Я не могу этого сделать, Джей Си.

– Можешь, – отрезал он. – Смотри, у них гранаты. Ты видел их на поясах солдат? Один из них сообразит, бросит такую штуку вниз по лестнице, и Монике конец. Она умрет.

Если я позволю им забрать камеру... такая власть в руках подобных людей...

Моника вскрикнула.

– Она ранена! – ужаснулась Айви.

Я вылез из-за ящиков и побежал к упавшему солдату в центре комнаты. Рядом с ним лежал пистолет. Салик заметил меня, когда я схватил оружие и поднял его. Мои руки дрожали.

«Ничего не получится. Я не могу этого сделать. Это невозможно.

Я умру».

– Не волнуйся, малыш, – сказал Джей Си, беря меня за

запястье. – Я с этим разберусь.

Он отвел мою руку в сторону, и я выстрелил почти не глядя; затем Джей Си сделал серию движений пистолетом, останавливаясь лишь ненадолго, чтобы я нажимал на спусковой крючок каждый раз. Все кончилось в один момент.

С вооруженными противниками было покончено. В комнате воцарилась полная тишина. Джей Си отпустил мое запястье, и моя рука упала, налитая свинцом.

– Это мы сделали? – спросил я, глядя на павших.

– Проклятье, – пробормотала Айви, вытаскивая пальцы из ушей. – Я знала, что у нас есть причина держать тебя рядом, Джей Си.

– Выбирай выражения, Айви, – ухмыльнулся он.

Я выронил пистолет – возможно, не самый умный поступок в моей жизни, но, с другой стороны, я был немного не в себе. Поспешил к Разону. Пульса не было. Закрыв ему глаза, но не стал разглаживать улыбку на губах.

Это было то, чего он хотел. Ему было надо, чтобы они убили его, тем самым позволив не выдать свои секреты. Я вздохнул. Затем, проверяя теорию, сунул руку ему в карман.

Что-то укололо мои пальцы, и на них выступила кровь.

– Что?..

Такого я не ожидал.

– Лидс? – раздался голос Моники. Она стояла в дверях комнаты, держась за окровавленное плечо. – Это ты сделал?

– Это сделал Джей Си.

– Твоя галлюцинация? Застрелила всех этих людей?

– Да. Нет. Я...

Мне самому это было неизвестно. Я встал и подошел к Салику, которому пуля угодила точно в лоб. Наклонился и поднял камеру, затем повернул одну из ее деталей, стоя спиной к Монике.

– Э-э... мистер Стив? – сказала Кальяни, тыча куда-то пальцем. – Мне кажется, он не мертвый. Ой-ой!

Я повернулся. Один из охранников, в которых я стрелял, перевернулся. Он что-то держал в окровавленной руке.

Граната.

– Вон! – крикнул я Монике, хватая ее за руку и выбегая из комнаты.

Взрывная волна ударила меня в спину, словно прибой.

Глава восьмая

Спустя ровно месяц я сидел в своем особняке и пил лимонад. Спина болела, но раны от шрапнели заживали. Все было не так уж плохо.

Моника вела себя так, словно у нее не было гипса на руке. Она тоже пила лимонад. Мы сидели в той самой комнате, где встретились в первый раз.

Ее сегодняшнее предложение не стало сюрпризом для меня.

– Боюсь, вы обратились не по адресу. Я вынужден отказаться.

– Понятно, – сказала Моника.

– Она отработала хмурую гримасу, – одобрительно заметил Джей Си, прислонившись к стене. – Теперь получается лучше.

– Если бы вы хоть взглянули на камеру... – начала она.

– Когда я видел ее в последний раз, она была разломана по меньшей мере на шестнадцать частей. Там просто не с чем работать.

Моника прищурилась. Все еще подозревала, что я уронил устройство нарочно, когда прогремел взрыв. От того, что тело Разона в последовавшем пожаре, уничтожившем здание, обгорело почти до неузнаваемости, проще не становилось. Все, что было при нем, – все секреты, объясняющие, как работает камера, – оказалось уничтожено.

– Должен признаться, – сказал я, наклоняясь вперед, – мне не очень жаль, что вы не в силах отремонтировать эту штуковину. Не уверен, что мир готов к сведениям, которые можно получить с ее помощью.

По крайней мере, я сомневался, что мир готов к тому, чтобы подобную информацию контролировали такие люди.

– Но...

– Моника, мне не приходит в голову ничего такого, что не сделали бы ваши инженеры. Надо просто принять тот факт, что технология умерла вместе с Разоном. Если вообще пло-

ды его трудов не были мистификацией. Честно говоря, последнее кажется мне все более вероятным. Разона пытали так, что обычный ученый должен был давно сломаться, но он не выдал террористам того, что они требовали. Потому что не мог. Все это было фальшивкой.

Она вздохнула и встала:

– Вы отказываетесь от величия, мистер Лидс.

– Дорогая моя, – сказал я, вставая, – вам следовало бы знать, что я уже достиг величия. Я променял его на посредственность и некоторую степень здравомыслия.

– Попросите вернуть деньги, – сказала Моника. – Сдается мне, у вас нет ни того ни другого. – Она достала что-то из кармана и бросила на стол. Большой конверт.

– А это еще что? – спросил я, потянувшись за ним.

– Мы нашли пленку в камере. Удалось восстановить только одно изображение.

Поколебавшись, я вытащил фотографию. Снимок был черно-белым, как и остальные. На нем был бородатый мужчина, одетый в мантию, сидящий... на чем-то, чего я не видел. Лицо у него было поразительное. Не в смысле черт, а в том смысле, что он смотрел прямо в камеру. Камеру, которой не будет две тысячи лет.

– Мы думаем, что это момент во время Триумфального входа, – сказала она. – На заднем плане, похоже, Прекрасные ворота. Трудно сказать наверняка.

– Боже мой, – прошептала Айви, подходя ко мне.

Эти глаза... Я не мог отвести взгляда от фотографии.

— Эй, я думал, в твоём присутствии нельзя поминать Его имя всуе, — заметил Джей Си.

— Я не поминала, — ответила Айви, с почтением возложив пальцы на фото. — Я признала, что вижу Его.

— К сожалению, это бессмысленно, — сказала Моника. — Нет способа доказать, кто на снимке. Даже если бы мы смогли, это не сделало бы ничего для доказательства или опровержения христианства. Это случилось перед тем, как Его убили. Из всех снимков, которые мог сделать Разон... — Она покачала головой.

— Это не меняет моего решения, — сказал я, убирая фотографию обратно в конверт.

— Так я и думала, — ответила Моника. — Считайте это платой.

— В конце концов, я не так уж много для вас сделал.

— Как и мы для вас, — сказала она, выходя из комнаты. — Хорошего вечера, мистер Лидс.

Я потер пальцем конверт, слушая, как Уилсон провожает Моника до двери и закрывает ее. Я оставил Айви и Джей Си болтать о том, как он любит сквернословить, а сам вышел в переднюю и поднялся по лестнице. Я шел, держась за перила, до самого верха.

Мой кабинет был в конце коридора. Комнату освещала единственная лампа на письменном столе, шторы были опущены на ночь. Я подошел к столу и сел. Тобиас занимал одно

из двух кресел, стоящих перед ним.

Я взял книгу – последнюю в огромной стопке – и начал листать. На стене рядом со мной висела фотография Сандры, та самая, сделанная на вокзале.

– Они догадались? – спросил Тобиас.

– Нет, – ответил я. – А ты?

– Дело ведь не в камере, верно?

Я улыбнулся, переворачивая страницу.

– Я обыскал его карманы сразу после смерти. И порезал пальцы. Битым стеклом.

Тобиас нахмурился. После минутного раздумья он улыбнулся:

– Разбитые лампочки?

Я кивнул.

– Дело не в камере, а во вспышке. Когда Разон фотографировал в храме, он использовал вспышку даже на солнце. Даже когда предмет его интересов был хорошо освещен, даже когда он пытался запечатлеть что-то, что произошло в течение дня, например появление Иисуса вне гробницы после Его воскресения. Это ошибка, которую не допустил бы хороший фотограф. А он был хорошим фотографом, судя по фотографиям, висевшим в его квартире. В освещении смыслил хорошо. – Я перевернул страницу, сунул руку в карман, достал что-то и положил на стол. Съёмная вспышка, которую я снял с камеры прямо перед взрывом. – Не уверен, связано ли это с механизмом вспышки или лампочками, но точно

знаю, что он менял лампочки, когда хотел, чтобы устройство перестало работать.

– Прекрасно, – сказал Тобиас.

– Поглядим, – ответил я. – Эта вспышка не работает, я ее проверил. Не знаю, что с ней не так. Ты ведь помнишь, что камеры какое-то время работали, попадая к людям Моника? Ну так вот, на многих вспышках много лампочек вроде этой. Полагаю, лишь одна из них как-то связана с временными эффектами. Специальные лампочки быстро перегорали – после, может быть, десяти снимков.

Я перевернул несколько страниц.

– Ты меняешься, Стивен, – наконец сказал Тобиас. – Ты заметил это без Айви. Без всех нас. Сколько времени пройдет, прежде чем мы тебе больше не понадобится?

– Надеюсь, этого никогда не случится. Не хочу становиться таким.

– И все же ты преследуешь ее.

– И все же... – шепотом согласился я.

Еще один шаг. Я знал, каким поездом уехала Сандра. Из кармана ее пальто выглядывал билет. Я смог разобрать цифры, хоть и с большим трудом.

Она уехала в Нью-Йорк. В течение десяти лет я искал ответ на этот вопрос, который был крошечной частью куда более масштабной загадки. След был десятилетней давности, но я хоть чего-то добился.

Впервые за много лет я делал успехи. Я закрыл книгу и

откинулся на спинку кресла, глядя на фотографию Сандры. Она была прекрасна. Так прекрасна...

В темной комнате что-то зашуршало. Ни Тобиас, ни я не пошевелились, когда невысокий лысеющий мужчина сел во второе кресло, которое до сих пор пустовало.

– Меня зовут Арно, – сказал он. – Я физик, специализирующийся на темпоральной механике, причинности и квантовых теориях. Полагаю, у вас есть для меня работа?

Я положил последнюю книгу на стопку тех, что прочел за последний месяц.

– Да, Арно, – сказал я. – Есть.

Легион: На поверхности

Часть первая

Глава первая

– Что у нее на уме? – спросила Айви, которая обходила стол, скрестив руки на груди. Сегодня она собрала свои свет-

лые волосы в строгий пучок, из которого торчали несколько опасных на вид шпилек.

Я безуспешно пытался не обращать на нее внимания.

– Может, она брачная аферистка? – спросил Тобиас, придвинув стул к столу, чтобы сесть рядом со мной. Темнокожий и статный, одетый, по своему обыкновению, в свободный костюм без галстука, он прекрасно вписывался в этот зал с хрустальными люстрами и фортепианной музыкой. – Множество женщин замечают только богатство Стивена, но не его пронизательный ум.

– Она дочь магната по недвижимости, – сказала Айви, небрежно взмахнув рукой. – У нее денег куры не клюют. – Она склонилась над столом, рассматривая мою спутницу. – Между прочим, над ее носом поработали не менее усердно, чем над грудью.

Я натянуто улыбнулся, стараясь сосредоточиться на своей спутнице. Я уже привык к Айви и Тобиасу. Я полагался на них.

Но чертовски трудно наслаждаться свиданием, когда твои галлюцинации так и вертятся рядом.

– Итак... – проговорила Сильвия, та самая женщина, с которой я ужинал. – Малкольм сказал мне, что вы вроде как детектив?

Она робко мне улыбнулась. Сильвия выглядела блистательно в облегающем черном платье и бриллиантовых украшениях. У нас был общий знакомый, который слишком

сильно обо мне беспокоился. Я спрашивал себя: «Сколько она разузнала обо мне, прежде чем согласиться на свидание вслепую?..»

– Детектив? Ну, можно сказать и так.

– Как я и сказала! – глуповато хихикнула Сильвия.

Айви закатила глаза, отказываясь сесть на стул, который для нее подвинул Тобиас.

– Хотя, честно говоря, – продолжил я, обращаясь к Сильвии, – слово «детектив», скорее всего, подталкивает вас к неверному выводу. Я просто помогаю людям с очень специфическими проблемами.

– Как Бэтмен! – заявила Сильвия.

Тобиас поперхнулся лимонадом. Он испачкал скатерть, хотя Сильвия, разумеется, этого не видела.

– Ну... не совсем.

– Да я просто дурачусь, – отозвалась она и глотнула еще вина. Сильвия выпила уже немало для трапезы, которая только что началась. – И какие проблемы вы решаете? С компьютерами? С безопасностью? Что-то из области логики?

– Да. Все три вида и еще кое-что.

– Какая-то... непонятная у вас специализация.

Сильвия была в чем-то права.

– Это трудно объяснить. Я специалист во многих областях.

– Например?

– В каких угодно. Зависит от проблемы.

– Она что-то скрывает, – сказала Айви, все еще скрестив руки на груди. – Говорю тебе, Стив. Она что-то замыслила.

– Как и все, – ответил я.

– Что? – спросила Сильвия, нахмурившись.

Официантка с переброшенной через руку салфеткой сделала так, что наши подставные тарелки исчезли.

– Ничего, – сказал я.

Сильвия поерзала на стуле, потом опять глотнула вина.

– Вы разговаривали... с ними, верно?

– А-а, вы все-таки кое-что прочитали обо мне.

– Девушкам приходится осторожничать, знаете ли. В мире полным-полно настоящих психопатов.

– Уверяю вас, все под контролем. Я кое-что вижу, но полностью осознаю, что реально, а что – нет.

– Будь осторожен, Стивен, – сказал сидящий рядом со мной Тобиас. – Это опасная территория для первого свидания. Может, лучше обсудить архитектуру?

Я понял, что постукиваю вилкой по тарелочке для хлеба, и остановился.

– Это здание спроектировано Рентоном Маккеем, – продолжал Тобиас спокойным, подбадривающим тоном. – Обратите внимание на открытый характер комнаты, на передвижные светильники и геометрические фигуры, которые образуют восходящие узоры. Здесь можно перестраивать интерьер каждый год или около того, создавая ресторан, который будет наполовину заведением общественного питания,

наполовину арт-инсталляцией.

– Мои психологические особенности не так уж интересны, – сказал я. – В отличие от этого здания. Вы знали, что его построил Рентон Маккей? Оно...

– Вы сказали, что видите кое-что, – перебила Сильвия. – То есть у вас бывают видения?

Я вздохнул:

– Ничего столь грандиозного. Я вижу людей, которых нет.

– Как тот парень, – сказала она. – В фильме.

– Конечно. Типа того. Только он был сумасшедшим, а я нет.

– О да, – сказала Айви. – Какой замечательный способ ее успокоить. Объяснить в подробностях, насколько ты *не* сумасшедший.

– Разве ты у нас не психотерапевт? – огрызнулся я. – Будь любезна, поменьше сарказма.

Для Айви это была трудная задача. Ее родным языком был саркастический, хотя на сурово-разочарованном и чуточку снисходительном она разговаривала бегло. А еще была хорошим другом. Пусть и воображаемым.

Просто у нее был пунктик насчет меня и женщин. По крайней мере, с тех пор, как Сандра бросила нас.

Сильвия глядела на меня, как-то странно напрягшись, и я запоздало сообразил, что говорил с Айви вслух. Заметив, что я смотрю на нее, Сильвия нацепила улыбку, такую же фальшивую, как красный пищевой краситель № 6. Я едва

сдержался, чтобы не поморщиться. Она была довольно привлекательная, несмотря на всю критику Айви, – и, сколько бы народу меня ни окружало, я все чаще чувствовал себя ужасно одиноким.

– Итак... – начала Сильвия и замолчала. Принесли главные блюда. У нее были какие-то фешенебельные салатные рулетики. Я выбрал блюдо из курицы, с не очень заковыристым названием. – Так... э-э... Вы только что говорили с одним из них, да? С воображаемым человеком? – Она явно сочла такой вопрос любезным. Наверное, в руководстве по этикету для настоящих леди есть глава о том, как вести светскую беседу о психологических недостатках мужчины.

– Да. С одной из них. Ее зовут Айви.

– Это... леди?

– Женщина, – уточнил я. – Она лишь время от времени ведет себя, как подобает леди.

Айви фыркнула:

– Ты ведешь себя как потрясающе зрелый человек, Стив.

– И много среди ваших личностей особ женского пола? – спросила Сильвия.

К своему блюду она пока что не прикоснулась.

– Это не личности, – сказал я. – Они отделены от меня. У меня нет диссоциативного расстройства личности. Если уж на то пошло, я шизофреник.

Психологи на эту тему спорят. Несмотря на все мои галлюцинации, я не подхожу под описание шизофрении. Я не

подхожу ни под какое психическое расстройство. Но какое это имеет значение? Мне неплохо живется. Как правило.

Я улыбнулся Сильвии, которая так и не приступила к еде:

– Ничего страшного в этом нет. Мои аспекты, скорее всего, просто результат одинокого детства, на протяжении которого я был в основном предоставлен самому себе.

– Хорошо, – сказал Тобиас. – А теперь отвлечемся от твоих странностей и поговорим о ней.

– Да, – согласилась Айви. – Выясни, что она скрывает.

– А у вас есть братья или сестры? – спросил я.

Сильвия поколебалась, потом наконец взяла свою вилку. Я еще ни разу в жизни так не радовался, когда кто-то пускал в дело столовое серебро.

– Две сестры, – сказала она. – Обе старше. Мария – консультант маркетинговой фирмы. Джорджия живет на Каймановых островах. Она адвокат...

Она продолжила рассказывать, и я расслабился. Тобиас отсалютовал мне стаканом с лимонадом. Мы избежали катастрофы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.